

Горчаков. Лицеист

Автор:

Валерий Пылаев

Горчаков. Лицеист

Валерий Пылаев

Горчаков #1

1967 год. Мир, которым правит магия аристократов, рок-н-ролл звучит даже во дворце ее императорского величества, а отечественные «Волги» успешно сражаются на ночных улицах с американскими «Понтиаками».

Очередная бешеная гонка по Санкт-Петербургу заканчивается трагедией. Врачи и целители, уже приговорившие юного князя Горчакова к смерти, списывают чудесное спасение на внезапно проснувшийся Дар. Но даже родовая магия не в силах объяснить, почему у парня полностью изменились привычки и вкусы... И откуда берутся странные сны о местах, в которых ему еще не приходилось бывать.

Валерий Пылаев

Горчаков. Лицеист

© Валерий Пылаев, 2022

Глава 1

– Ваше сиятельство, просыпайтесь.

Моей ладони коснулись чьи-то теплые пальцы. Женские – судя по голосу, который я услышал. Если, конечно, все это происходит со мной на самом деле. Я помнил только удар, боль... машину, буквально обнимающую столб, потом крики, сирены...

– Ваше сиятельство, я же вижу, что вы не спите. – Женщина (а скорее девушка), державшая меня за руку, едва слышно захихикала. – У вас глаза двигаются.

Просыпаться не хотелось. Я не знал – да и не слишком-то торопился узнать, – почему вдруг превратился в какое-то там сиятельство и что за дичь вообще творится. На данный момент меня вполне устраивало то, что тело больше не пытается развалиться на части.

Боль ушла – может, не полностью и не совсем, но все же достаточно, чтобы я мог в полной мере насладиться возможностью растянуться в мягкой постели. Вдыхать знакомый каждому запах больницы и слушать приятный девичий голос.

Но таинственная незнакомка звала меня... И чтобы разобраться хоть в чем-то, придется для начала вернуться в реальный мир.

– Ох-х-х... – Я прикрыл глаза от света свободной рукой. – Я что, умер и попал в рай?

Реальный мир спешил порадовать. Темноволосая девушка сидела на краю койки, прижимаясь к моему боку бедром. И это самое бедро я видел... В общем, видел. Одежда выдавала в незнакомке медсестру, однако на ум почему-то сразу приходило что-то вроде тематической вечеринки для взрослых.

И дело было не в отсутствии положенной белой шапочки, откровенном вырезе или слишком коротком халатике – они-то, хоть и не без труда, пока еще укладывались... в рамки приличия. А вот сама девушка стремилась вырваться. И из рамок, и из халатика – пуговицы на весьма привлекательных формах держались на честном слове, а из-под прошитого белоснежного краешка в бессовестной близости от моей ладони выглядывали не колготки, а самые настоящие чулки. Да и в целом униформа красотки казалась... немного тесноватой. В хорошем смысле.

– Умер? Нет, что вы, ваше сиятельство... – Медсестричка захлопала длиннющими ресницами. – Вы были без сознания почти двадцать часов – но теперь все позади. Я так волновалась!

Из-за меня? Или подобный подарок судьбы здесь положен всем пациентам без исключения? И если я провалялся овощем почти сутки, то...

Стоп. Так не бывает!

Я покрутил головой из стороны в сторону. Пошевелил руками. Такими же чужими и незнакомыми, как и «сиятельство». Довольно крупными – и все-таки слишком тонкими и гладкими, чтобы принадлежать взрослому мужчине. Скорее уж совсем молодому... Пацану лет семнадцати-восемнадцати.

Что за?..

Я заерзал, проверяя подвижность тела, и, наконец, подтянул ноги. Которые не только оказались на месте целиком и полностью, но и работали. Движения давались не без усилий – и все-таки я определенно был в куда лучшем состоянии, чем полагается человеку, которого авария еще вчера превратила чуть ли не в фарш.

– Татьяна.

Заглядевшись на красотку-медсестру, я не заметил, как в палате появилась еще одна докторша. Высокая, голубоглазая и со светлыми волосами, собранными в строгий тугий пучок на затылке. Похоже, эта была рангом повыше – судя по возрасту, золотому шитью на лацканах халата и стетоскопу на шее.

– Ой... Здравствуйте, Ольга Михайловна. – Медсестричка по имени Татьяна тут же скользнула попой по простыне, в мгновение ока оказываясь от меня на расстоянии вытянутой руки. – Его сиятельство проснулся. Я хотела...

– Его сиятельству нужен покой, – отозвалась Ольга Михайловна. – Ступай, Татьяна.

Властной докторше не пришлось ни повышать голоса, ни просить дважды, ни даже указывать на дверь взглядом. Она лишь чуть сдвинула брови – и Татьяна тут же исчезла, напоследок подарив мне еще несколько секунд созерцания весьма аппетитной пятой точки, обтянутой халатиком.

– Рефлексы в норме. – Ольга Михайловна улыбнулась одними уголками губ и приспустила очки на кончик носа. – Как самочувствие?

Я, наверное, должен был что-то ответить – но так и не смог. Окончательно пробудившийся разум переваривал тонны информации зараз, и на речь его скудных мощностей попросту не хватало.

Я в больнице – это понятно. В отдельной палате. И не обычной, а явно рассчитанной на тех, кого принято называть «особо важными персонами», – судя по идеальному ремонту, заделанному под старину пузатому телевизору в углу и широкой кровати, назвать которую койкой не поворачивался язык. Секс-бомба Татьяна, похоже, идет ко всей этой медицинской роскоши в комплекте, да и сама Ольга Михайловна выглядит слишком важной птицей, чтобы лично проведывать кого попало.

Впрочем, сама она обращалась ко мне и без непременно «ваше сиятельство», и даже без имени и отчества. А значит...

– Княгиня Ольга Михайловна Бельская. – Докторша, похоже, уловила ход моих мыслей и наконец решила представиться, попутно изобразив что-то вроде легкого поклона. – Статский советник медицинского ведомства... И по совместительству главврач этого... заведения. А вы?..

– Александр... Петрович, – пробормотал я – и вдруг неожиданно для себя добавил: – Князь... внук князя Горчакова.

Ого, а это откуда?! Еще пару минут назад я не мог вспомнить даже...

– Хорошо, – кивнула Ольга Михайловна. – И все же – как вы себя чувствуете, князь?

– Честно? Намного лучше, чем... – Я на мгновение задумался, подбирая слова. – Чем должен был после такого... Я попал в аварию?

– Верно. – Ольга Михайловна поправила очки. – Давайте-ка посмотрим.

Я ожидал, что она возьмется за стетоскоп или примется измерять мне пульс – но вместо этого княгиня прикрыла глаза, и уже через мгновение я почувствовал в области груди легкое покалывание. Странное ощущение спустилось ниже, чуть прогулялось по рукам – а потом ушло в ноги.

Да она же меня просвечивает! Сама, без всякого рентгеновского аппарата или мудреной аппаратуры, которой в этой комнате даже нет, хоть меня и собрали по частям меньше суток назад! Куда бы я ни попал, врачи здесь явно умеют кое-что... особенное. По крайней мере, некоторые из них – медсестра Татьяна блистала скорее формами, чем тайным знанием.

Ольга Михайловна всю гуляла по мне своим «сканером», а я – за неимением других вариантов – в ответ разглядывал ее. Главврач и статский советник медицинского ведомства оказалась моложе, чем я подумал сначала. Серьезность, очки, строгая прическа и не менее строгий халат (во всяком случае, подобранный по размеру) добавляли ей чуть ли не полтора десятка лет, хотя на самом деле она едва ли была намного старше тридцати.

Мне всегда нравились именно такие – взрослые, самостоятельные и умные. Властные и будто покрытые сверху ледяной броней, но внутри хрупкие.

Кому – мне? И как я вообще могу так думать, если мое «всегда» началось каких-то двадцать часов назад?!

В висках вдруг заломило с такой силой, что я закрыл лицо руками и, застонав, вжался затылком в подушку.

– Князь, что с вами? – Ольга Михайловна шагнула вперед, и я снова ощутил покалывание – на этот раз во всех частях тела разом. – Больно?

– Нет... ничего. – Я осторожно отлип от кровати и приподнялся на локтях. – Просто слабость. Пройдет.

– Голова будет кружиться несколько дней. – Ольга Михайловна достала из кармана увесистый блокнот и отлистала пару страниц. – Возможна легкая слабость, но после магического исцеления такого уровня это нормально. А в остальном – все в полном порядке... Удивительно крепкий организм.

Магическое исцеление? Да, это неплохо все объясняло – и мое почти воскрешение из мертвых за какие-то сутки, и излучение Ольги Михайловны, и чуть ли не все остальные странности разом. Впрочем, желания снова копаться в «запретной» зоне памяти как-то не возникало.

– Видимо, именно вас я должен благодарить за свое чудесное спасение, княгиня. – Я кое-как перевернулся набок. – Вы очень хороший... врач.

– Целитель. – Ольга Михайловна поправила меня, не задумываясь, но вдруг сдвинула брови. – Мне приятно слышать подобные слова, однако к вашему выздоровлению я имею... весьма косвенное отношение.

– Вот как?.. – Я откашлялся. – Интересно...

– Поймите, князь, подобное попросту невозможно... во всяком случае, для мага-целителя пятого класса: резерва не хватит даже на основные операции. Примерно три четверти повреждений восстановились... – Ольга Михайловна на мгновение смолкла. – Я понимаю, что мои слова прозвучат странно, но других у меня нет: ваши раны будто зажили сами собой.

– Медицинское чудо? – улыбнулся я.

– Может быть. Или спонтанно возникшая сильнейшая связь с родовым Источником. Очень редкое явление... и опасное.

– Почему?

– Магия, которая достается от предков, дает многое. – Ольга Михайловна вновь нахмурилась и чуть поджала губы. – Зато и потребовать может немало. Всему есть своя цена.

Резерв. Родовой Источник – именно так, с большой буквы – и своя цена. Еще и загадочное «может быть» из уст Ольги Михайловны, которая, казалось, должна знать вообще все на свете... Слишком много для одного захода!

В висках снова закололо, но я не подал виду. И все же главврач явно сообразила, что я толком не понял примерно трети сказанных ею слов... хотя должен был понять!

– Князь... Александр Петрович. – Щеки Ольги Михайловны вдруг чуть подернулись розовым. – Я понимаю, что правила приличия обычно не допускают подобных вопросов... И все же я ваш лечащий врач, поэтому...

– Моя память? – улыбнулся я. – Так, княгиня?

Оказывается, даже ее можно смутить.

– Да! – Ольга Михайловна с явным облегчением закивала. – Я знаю, ни ваши братья, ни тем более дед не потерпят... Обещаю: все, что вы мне скажете, не покинет этой комнаты. Слово дворянки!

– Благодарю вас, княгиня. – Я все-таки заставил себя приподняться и выполнить хоть что-то похожее на поклон. – Однако тревожиться незачем. Уверяю, если мой разум и пострадал – то не так уж сильно. Несколько дней вполне хватит, чтобы я вспомнил все... что мне следует знать.

– Даже сущая чепуха может стать причиной пересудов... А причин сейчас и так предостаточно. – Ольга Михайловна снова спустила очки и устало потерла переносицу кончиками пальцев. – Но мне нравится ваш настрой, князь. Отдыхайте. Вам что-нибудь нужно?

Я едва не ляпнул «курить». И тут же снова почувствовал, как виски будто сжимают тисками. Александру Петровичу Горчакову, внуку князя и потомственному дворянину, в свои неполные семнадцать лет баловаться подобным определенно не положено. Так что...

– Газету. – Я огляделся по сторонам, но так и не увидел ничего хотя бы отдаленно похожего на пульт от телевизора. – И, наверное, еще немного

поспать.

– Как пожелаете, – кивнула Ольга Михайловна. – Что вам принести? «Петербургский листок»? «Голос»? «Биржевые ведомости»? Может быть, «Смену» или что-нибудь... литературное?

– Все. Если можно. – Я не стал дожидаться, пока княгиня огласит весь список. – И не обязательно свежее. Мне стоит... наверстать упущенное.

Ольга Михайловна удалилась и буквально через несколько минут вернулась с целым ворохом печатной прессы. То ли я каким-то образом успел набрать в ее глазах несколько очков, то ли она действительно так сильно опасалась тех самых пересудов – но газеты и журналы принесла сама. Я не стал привередничать и взял первую попавшуюся: мне так или иначе предстояло прочитать все. И, возможно, не по разу.

Издание порадовало мягкой белой бумагой и приличным качеством печати. Я сложил здоровенный лист пополам и начал с заголовка: «Санкт-Петербургские ведомости». Чуть ниже разместился герб – двуглавый орел со скипетром и державой.

Улыбнувшись, я спустил строчкой ниже и прочитал:

«№ 3, пятница, 18-е июля 1967 года».

Тут-то меня и накрыло.

Глава 2

Каждая строчка или фотография в газете вызывала в голове крохотный взрыв, открывавший доступ к очередному куску информации. Я брался за одну ниточку – и тут же зараз вытягивал десяток, сплетенных вместе. Мой разум разгонялся до предельных частот – тем не менее, и их иногда оказывалось недостаточно, и я снова закрывал глаза и валялся на подушку, комкая в руках ни в чем не повинную бумагу. Однако молодой организм может приспособиться к чему

угодно, и уже скоро приступы стали вполне терпимыми, а потом и вовсе сократились до нескольких секунд звона в ушах.

Так или иначе, спустя примерно полтора-два часа и десяток газет я в общих чертах знал все, что полагается знать шестнадцатилетнему оболтусу, кое-как осилившему несколько классов в Императорском правоведческом лицее. Память восстанавливалась. Пусть обрывками, поверхностно и скорее на уровне привычек и рефлексов, чем вникая в суть, – и все же.

Едва ли в ближайшее время придется демонстрировать что-то по-настоящему сложное – зато в базовых вопросах нравов, этикета и общепринятых норм я не ошибусь. И уж точно не перепутаю «ваше благородие» ни с «сиятельством», ни со «светлостью», ни уж тем более с «императорским величеством». Без труда обращусь к любому из них по всем правилам. И – если придется – сделаю это на английском и французском.

Некоторые вещи в мою голову, к счастью, вбили намертво. Все-таки дворянское происхождение подразумевает некоторое количество обязанностей. Помимо привилегий, прав, вольностей и древнего Дара, поднявшего аристократию над простыми смертными на невыносимую высоту.

Впрочем, в моей памяти родовая магия оказалась чем-то труднодостижимым, далеким таинством не для всех. Почти незнакомым, непонятным – и поэтому скорее опасным, чем привлекательным... А ведь я вполне мог научиться чему-то стоящему – раз уж почувствовал, как Ольга Михайловна просвечивает меня одним лишь взглядом.

Но почему?! Кто в своем уме отказался бы от подобного – будь у него такая возможность?

К моим услугам были воспоминания за неполные семнадцать лет, и среди них я нашел только малопонятные формулировки вроде «удаленность от родового Источника», «третий ребенок» и «посредственные врожденные способности». Похоже, истинной причиной моей магической бездарности стала самая обычная лень... Я без труда откапывал целые тонны информации о модных журналах, клубах, рок-ансамблях, певичках, актрисах или автомобилях – но ничего по-настоящему нужного и полезного.

Ерунда какая-то... И этот бесполезный недоросль – я?

Вздыхнув, я отогнал мысли о куреве и потянулся за очередной газетой. На этот раз мне попался «Вечерний Петербург». Какая-то светская хроника. Свежая – дата стояла сегодняшняя – и, похоже, не слишком крутая. Раз уж мои прегрешения попали аж на первую полосу.

«Сумасшедшая гонка по Невскому проспекту, – прочитал я. – Александр Горчаков при смерти».

Ха. Три раза ха. Слухи о моей почти гибели оказались... сильно преувеличены. Мастерство Ольги Михайловны и родовой Источник, о котором я имел весьма скудное представление, вытащили меня с того света.

Вот только явно не избавили от проблем на этом.

«По сообщениям очевидцев, вчера примерно в восемнадцать ноль-ноль молодые люди из числа наследников дворянских родов в очередной раз нарушили прямое указание...»

Я перескочил пару строчек.

«...гонку по центральной части Санкт-Петербурга. Неуместное спортивное мероприятие закончилось трагически: на пересечении Невского проспекта и Садовой улицы Александр, младший внук князя Александра Константиновича Горчакова, находившийся за рулем автомобиля НАЗ-25 «Волга СК-3», не справился с управлением и на скорости порядка ста десяти километров в час...»

О дальнейших событиях можно было и догадаться, и все-таки я не поленился прочитать до конца. По версии автора статьи, за рулем второй машины, участвовавшей в «безобразном состязании», был Дмитрий, сын вдовствующей княгини Воронцовой. Который скрылся с места событий до приезда бригады медиков и полиции. А несчастный Александр Горчаков – то есть я – был доставлен в Мариинскую больницу на Литейном проспекте в крайне тяжелом состоянии.

На этом полезная информация заканчивалась... а статья продолжалась. Изложив события, автор бесцеремонно обрушился на местную «золотую молодежь», заодно припоминая все предыдущие прегрешения. И Воронцова, и, к сожалению, мои. Их было не так уж и много, и все они не отличались каким-то особенным масштабом – но на мгновение я даже испытал стыд. Так что оставалось только внутренне согласиться с автором.

А заодно и поблагодарить его за возможность хотя бы примерно понять, как я выгляжу. Борзописцы явно верстали макет газеты в спешке, торопясь поскорее выплюнуть в киоски свежий тираж, и фотографию выбрали не самую удачную. Там я был запечатлен вполборота и в окружении других людей. Однокашников из лица – судя по форме. То ли дело было в ракурсе, то ли я действительно выделялся среди них ростом – почти на голову выше остальных. И, возможно, чуть постарше – судя по пробивающейся на лице и шее щетине.

Знакомое – и одновременно как будто чужое лицо. В нем неуловимо проглядывало что-то восточное или южное, а темные волосы лишь дополняли впечатление. Черно-белая фотография не могла передать цвета глаз; впрочем, я и так знал, что они у меня карие.

Самая обычная рожа. В меру приятная, но не выделяющаяся. На любой улице наверняка запросто найдется десяток похожих парней. Таких же молодых и бестолковых.

Я с крихтением откинул одеяло и сбросил ноги на пол. Пришло время опробовать тело. Худощавое, легкое, несмотря на немалый рост, – хотя, похоже, достаточно крепкое, раз уж оно смогло пережить такую аварию. Не отыскав ничего похожего на обувь, я заковылял к окну босиком. Из одежды на мне имелась только больничная роба, однако я ничуть не смущался – все равно палата для персон дворянского происхождения предполагала наличие только одного пациента, а гостей я не ждал...

Впрочем, зря. Стоило мне откинуть занавеску и кое-как разглядеть сквозь деревья до боли знакомый Литейный проспект, как за дверью раздались шаги. Возвращаться под одеяло в любом случае было уже поздно, так что оставалось только усесться на подоконник и сделать вид, что так и надо.

– Ваше сиятельство, вы уже встали? – Удивление в голосе Татьяны казалось вполне искренним. – Ольга Михайловна говорила...

– Мне уже лучше, – улыбнулся я. – Просто захотелось выглянуть наружу.

– День хороший. Редкость в нашем городе... даже летом. – Татьяна переступила с ноги на ногу, цокнув каблук по полу. – Ваше сиятельство, мне велели никого не пускать, но один господин уже полчаса...

– Пусть заходит. – Я поднялся с подоконника и поправил одежду. – Немного общества мне не повредит.

В не до конца закрытую Татьяной дверь вдруг просунулась чья-то голова. Чуть растрепанная, с седой бородкой колышком и в круглых очках. Явно уже немолодая – но розовощекая и почему-то до неприличного улыбчивая.

– Вы позволите, ваше сиятельство?

– Да, конечно, – кивнул я. – Прошу, входите.

Обладатель головы, невысокий полноватый человечек в сером костюме, тут же распахнул дверь. С явным сожалением проводил взглядом Татьяну, едва слышно вздохнул... и засеменил ко мне, чуть было не выронив портфель из черной кожи.

– Колычев Сергей Иванович. Титулярный советник судебного ведомства... в отставке, конечно же! – Человечек хохотнул и протянул мне маленькую ладошку. – А ныне – поверенный их сиятельств князей Горчаковых. Вел дела вашего деда и родителя, теперь вот – брата Константина... Друг семьи, можно сказать.

– Колычев, поверенный, да... – улыбнулся я, – припоминаю.

Хотя ни черта я, конечно же, не припоминал. Этот жизнерадостный дядька лет то ли пятидесяти, то ли шестидесяти с гаком не раз мелькал и в Елизаветино, и в нашем доме здесь, в Питере, – однако я так и не потрудился узнать, кто он вообще такой.

Ладонь у Колычева оказалась потной и липкой, но рукопожатие – неожиданно крепким. Да и в целом впечатление он производил скорее приятное, несмотря на суетливость и бегающие глазки. А неуклюжее стеснение, с которым он тискал свой портфель и никак не находил места, чтобы устроиться, ему в каком-то смысле даже шло.

– Устраивайтесь, ваше благородие. – Я указал рукой на единственный стул у стены, а сам плюхнулся обратно на кровать. – Чем обязан?..

– Проведать ваше сиятельство! – Колычев так энергично потрянул головой, что едва не потерял очки. – Вы уж простите, что так поздно... Как узнал – тут же, сразу! Такое несчастье... Ваш дедушка чуть с ума не сошел! Да и Константин – ему сейчас особенно нелегко... Ну, вы же понимаете, с тех пор...

С тех пор, как погибли родители: разбились на машине по дороге в Елизаветино, наше имение под Гатчиной. Ровно два года назад, почти день в день... Вот так совпадение. Я без труда выудил это из памяти, вот только особой тоски почему-то не испытал.

Наверное, просто уже успел привыкнуть.

На старшего брата легли все дела семейства. И он тянул чуть ли не в одиночку: Миша не вылезал с учений, а от почти столетнего деда и недоросля толку было немного. Зато вред... вред присутствовал.

Да уж. Удружил я Косте, ничего не скажешь.

– Как видите, я жив и будто бы даже здоров, – проговорил я. – Княгиня Бельская умеет творить чудеса.

– Приберегите это для интервью, ваше сиятельство. Не смею сомневаться в таланте княгини, но подобное... нет, такое не под силу даже ей. Однако чудо действительно случилось! И мне, как другу семьи, – Колычев склонился вперед и заговорщицки подмигнул, – вы можете смело рассказать, как все было на самом деле!

– Боюсь, сказать мне нечего, – вздохнул я. – Наверное, просто повезло.

– Если так – пусть вам везет и дальше, дорогой друг. – Колычев снова широко улыбнулся, хотя в его глазах на мгновение мелькнуло разочарование. – В таком случае, не смею вас больше утомлять... Но скажите, князь Воронцов уже почтил вас визитом?

Воронцов? Еще один любитель гонок по Невскому?

– Нет. – Я на всякий случай даже промотал в уме весь день – с самого пробуждения. – А должен был?

– Видите ли, какое дело... – Колычев поднялся и прижал к груди портфель, словно пытаясь от чего-то защититься. – Я взял на себя смелость говорить с его сиятельством... И советовал ему посетить вас здесь: так сказать, замять дело без шума... без скандала.

– А в чем, собственно, вопрос? – удивился я. – Мы в равной степени виновны перед ее императорским величеством и всем дворянским сословием. Разве не так?

– Мудрые слова, друг мой! – Колычев яростно закивал. – Однако следует ли забывать, что его сиятельство князь Воронцов куда старше вас? И то, что простительно вам, юноше, для него неприемлемо! И если уж он втянул вас в действие, которое едва не закончилось трагедией для всего вашего рода, вы вправе... вправе требовать извинений!

За то, что я до неполных семнадцати лет не перестал быть малолетним идиотом?

– Позвольте напомнить вашему благородию, что я в первую очередь титулованный дворянин и лишь во вторую – юноша. – Я чуть возвысил голос. – И нет никакого достоинства в том, чтобы за мои проступки ответил другой.

– Как пожелаете, ваше сиятельство. Не смею спорить! – Колычев попятился к двери. – Но знайте: что бы ни случилось, я всегда и всецело на вашей стороне.

– Премного благодарен, – буркнул я.

Расшаркивания уже успели меня утомить.

– Ваше сиятельство... Не знаю, успели ли вы поговорить с братьями, но если вам что-нибудь нужно – здесь, в больнице, – только скажите! Я распоряжусь доставить...

Почему бы и нет?

– Ну... думаю, накормить меня накормят, так что только книги. В первую очередь – по истории и географии. – Я на мгновение задумался. – Буду восполнять пробелы, раз уж есть такая возможность... И неплохо бы хоть какую-то одежду. Уж не знаю, кто еще решит навестить меня, не хотелось бы встречать их в больничной робе.

– Книги?.. – Колычев явно ожидал услышать что угодно, кроме этого, однако тут же снова лучезарно улыбнулся и двинулся к двери. – Как пожелаете, ваше сиятельство! Сделаем все в лучшем виде!

Поверенный нашего благородного семейства был отчаянно мил, но когда его шаги стихли в коридоре, я вздохнул с облегчением.

– Господи, избавь меня от друзей, – пробормотал я, укладываясь обратно на кровать, – а от врагов я как-нибудь избавлюсь сам.

Неведомо откуда всплывшая в голове фраза кого-то из почивших мудрецов вернее некуда отражала... суть. Услужливость и любезность Колычева не только успели смертельно надоест, но и вполне могли втянуть меня в очередную историю. Если память отшибло не окончательно – Воронцов был тем еще засранцем. И уж конечно, не стал бы извиняться, вздумай я этого требовать.

Впрочем, это почему-то волновало меня не так уж сильно.

Глава 3

Все, что я заказывал, привезли где-то через час или два. К счастью, не сам Колычев. Хмурый невысокий мужик притащил две авоськи – и не только с полным комплектом одежды и выдавшими виды книгами в кожаном переплете, но и... с комиксами?

– Я что, это читаю? – Я покрутил в руках что-то цветасто-глянцевое с крупными буквами и здоровенным мужиком в черном плаще на обложке. – Мда-а-а...

Еще как читаю... читал – подсказала память. И даже находил все это дело занимательным. И уж точно в здравом уме не взялся бы за книги.

Значит, будем считать, что мой ум теперь не здоровый.

Вместе с одеждой и остальным Колычев отправил мне целый мешок сладостей – печенья, карамелек и конфет «Коровка». Конечно, я бы скорее предпочел курево...

Черт, да с чего я вообще все это взял?! И откуда у меня тяга к табаку? Будь каши в голове чуть меньше, я бы уже перестал обращать внимание на странные мысли. Вот только они все появлялись и появлялись откуда-то. Я посмотрел на лежавшую у меня на ладони конфету и понял: где-то я это уже видел.

Фантик был другого цвета, заворачивался иначе – смешным вытянутым конвертиком, но конфета – та же самая! И я тут же представил, как еще детскими пальчиками цеплял кончик засахарившейся бумажки, добирался до лакомства и...

– Да твою ж... матушку! – Я схватился за полыхнувшие виски. – Все! Понял! Больше не буду...

Боль накинулась снова – будто поджидала, когда я опять попытаюсь проникнуть в запретное. Однако на сей раз оказалась не такой сильной: похоже, сказывались «тренировки». Ломота в висках прошла через пару минут, и я устроился на подушке с «Историей государства Российского в кратком изложении» древнего издания. Похоже, еще дореволюци...

Чего?.. Тьфу ты, кому скажешь – засмеют. Уж три с лишним сотни лет Романовы на престоле, дай Бог Екатерине Александровне здоровья. Не было тут никаких революций, да и быть не могло. Мы ж не Франция какая...

Я перелистывал страницу за страницей, то и дело переключаясь на книжки по другим странам – когда не хватало понимания. Древний мир: Египет, Греция, а за ними и Римская империя: преданья старины глубокой.

То ли тогда Одаренных было слишком мало, то ли они еще не обрели настоящего могущества... то ли благоразумно предпочитали держаться в тени. Гроза разразилась позже – в Средние века. Болезни и войны за осколки античного наследия, продолжавшиеся чуть ли не тысячу лет, не раз выкашивали Европу едва ли не на треть, но не меньше унесли и костры Инквизиции.

Одаренные больше не могли – или просто не стали – скрываться, и их менее удачливые братья по виду homo sapiens устроили самую настоящую охоту на ведьм. Правители, которым не досталось магических способностей, объявляли войну соседям, а чернь и мелкие землевладельцы вешали и сжигали «колдунов» без суда и следствия. Общее число жертв исчислялось чуть ли не миллионами, а Одаренные гибли тысячами. Но среди них нашлись и те, что не стали прятаться, вступили в войну...

И победили. Зализали раны, кое-как навели порядок – а потом положили начало и современным державам, и большинству знатных фамилий. По-видимому, в том числе и роду черниговских князей, от которых произошли Горчаковы. Некоторые периоды европейской – впрочем, как и российской – истории были описано довольно скупо и сбивчиво, но по всему выходило, что не владеющая магией аристократия в течение пары столетий то ли породнилась с Одаренными, то ли неторопливо и бескровно перекочевала в иные сословия... то ли просто-напросто вымерла естественным образом.

- Ну да... - пробормотал я, переворачивая страницу. - Именно так все и было.

В некоторых местах историю явно шили белыми нитками – и шили намного позже. Вряд ли Одаренные оказались такими уж невинными овечками, сменившими ремесло целителей и прочих мирных и безусловно полезных в хозяйстве профессий на полноценную боевую магию лишь после нескольких веков геноцида. Наверняка суровая реальность не обошлась без знатной резни.

Средние века выглядели, как им и положено: мрачными, кровавыми и беспросветными.

Пока не сменились Ренессансом. Под мудрым руководством Одаренной аристократии и правящих династий мир понемногу выбрался из ямы и принялся активно развиваться. Войны еще случались – и все еще иногда оказывались продолжительными и опустошающими, хотя ощутимого отката уже не вызывали. Последняя крупная заварушка в Европе закончилась оглушительным поражением Наполеона Бонапарта под Смоленском.

Князь Багратион выставил против артиллерии и сорока тысяч солдат несколько сотен боевых магов-стихийников. Половина дворян – как и сам князь – погибла, зато в очередной раз доказала преимущество силы Одаренных над армиями и оружием. Корсиканский коротышка уполз зализывать раны к себе в нору, и уже к середине девятнадцатого века в Европе и вовсе наступил долгожданный покой по всем фронтам.

США почти бескровно отделились от Британии в тысяча семьсот семидесятом и формально до сих пор оставались частью Содружества, попутно потеряв несколько штатов, пожелавших сохранить статус колоний. На юге Америки произошло примерно то же самое – только чуть позже. Часть территорий откололись, воспользовавшись восхождением звезды Наполеона и общеевропейским бардаком, а где-то треть предпочли остаться под флагом испанского монарха. Китай и Япония не слишком-то стремились к контакту ни с соседями, ни с кем-либо еще.

Что, впрочем, ничуть не мешало последней с завидной регулярностью поднимать вопрос о Курильских островах... И это почему-то вызвало у меня непонятное раздражение.

– Вот заразы... – Я пролистал еще несколько страниц заботливо положенного Сергеем Ивановичем географического атласа. – Обойдутся.

Австралия сохранила британское подданство – как и примерно треть Канады и чуть ли не половина Африки. Да и вообще вся южная часть политической карты напоминала лоскутное одеяло, сшитое из кусочков всего нескольких цветов. Похоже, могучие рода Одаренных не только написали свою версию истории, но и попилили сам мир на куски. И держали крепко. Большая часть закономерно

отошла Британии, Испании и Франции, хотя немало урвали и османы, и Германия.

Точнее, Священная Римская империя германской нации. Алая клякса, расплзшаяся от изрядно погрызенного соседями «сапожка» Италии до самого Балтийского моря, выглядела грозно. Настолько, что я на мгновение удивился: как мы вообще смогли целых полтора столетия ограничиваться лишь колониальными разборками и вялыми боданиями на Ближнем Востоке?

В которых Российская империя если и участвовала, то, похоже, без особого энтузиазма. В приятный глаз синий цвет были окрашены всего несколько искорков на территории обеих Америк, клочок Африки и еще что-то невразумительное к югу от здоровенного желтого Китая.

– Ну и ладно. – Я протер уставшие глаза и отложил атлас. – Зато Аляска наша.

Я просидел с книгами несколько часов, и вечер уже должен был наступить, но на улице так толком и не стемнело: похоже, питерские белые ночи еще не уступили права обычным. Литейный проспект и деревья за окном застыли в сером сумраке и не менялись. Часов в палате почему-то не имелось, а возиться с телевизором я не хотел, так что оставалось измерять время разве что кружками чая, которые приносила заботливая Таня.

С каждым приходом ее халатик выглядел еще короче, а соблазнительные формы то и дело норовили будто бы случайно уткнуться мягким теплом в плечо – однако мне кое-как удавалось делать вид, что я не обращаю внимания...

Но на самом деле я еще как, блин, обращал!

Похоже, Источник закачал в меня магии по самое не балуй, и теперь восстановившееся молодое тело отчаянно требовало избавиться от излишков сил понятным, приятным и, что самое важное, доступным способом.

Стоит протянуть руки – и Танины прелести сами с готовностью пристроятся в ладони. Для эффектной и не слишком обремененной моралью девушки из простой семьи один только факт... внимания дворянина – уже золотой билет в лучшую жизнь. А за шанс забеременеть она сама стащит с меня больничную робу, если я хотя бы намекну. И ее не остановит ни мой нежный возраст – я был

на три-четыре года моложе ее самой, – ни уж тем более робкие попытки сопротивления.

У-у-у, зараза, хороша... Так и ходит, крутит... этой самой. А если все-таки?..

Нет. Нельзя! И так вляпался по самые уши.

Я шумно выдохнул и обеими руками вцепился в «Историю государства Российского», будто томик в потертом кожаном переплете как-то мог спасти меня от греховных мыслей.

И только когда цокот Таниных каблучков стих вдалеке за дверью, позволил себе подняться, засунуть ноги в тапки и прогуляться до окна. Там почти ничего не изменилось: все те же здоровенные вывески на домах в просветах деревьев, ограда, газон и асфальт вдоль здания.

Добавилась только одна деталь: черная «Волга» с затемненными стеклами, припаркованная чуть ли не напротив центрального входа в больницу. Не двадцать пятая спортивная модель – вроде той, что я размотал о столб, – а предыдущая, двадцать четвертая. И что-то подсказывало, что передо мной не обычная «баржа», а ее сестра-близнец с восьмицилиндровым двигателем от «Чайки» вдвое мощнее обычного.

Костя говорил, что такие почти невозможно купить: эти машины начали делать специально для Третьего отделения Собственной Ее Величества канцелярии всего года полтора назад, и даже столичной полиции они доставались редко. Но если так...

Мои размышления прервал резкий звук. Сначала я подумал, что это ожил мотор «Волги», – но нет. Низкий раскатистый рев донесся с проспекта и с каждым мгновением становился все ближе. Казалось, водитель с трудом сдерживает рвущиеся на волю лошадиные силы, заставляя машину неторопливо ползти по асфальтовой дорожке к белым колоннам больницы.

– «Понтиак ГТО», американец, – пробормотал я, – шестьдесят пятого года...

Его сиятельство князь Воронцов все-таки решил почтить меня своим визитом.

Глава 4

Даже рядом с заряженной «баржей» «Понтиак» смотрелся... внушительно. Стальной монстр, блистающий в вечернем полумраке хромом и темно-синим гляncем, с вытянутым капотом, под которым скрывался целый табун лошадей. Двухдверный американец стоил астрономических денег – даже для наследника богатого княжеского рода, и Воронцов следил за любимой игрушкой. Отгонял мыть каждый день, а то и не по разу...

Один взгляд на машину, которая едва меня не угробила, всколыхнул что-то внутри. Я будто снова увидел мелькающие по сторонам дома и стрелку спидометра, перевалившую за отметку сто двадцать. Снова почувствовал предвкушение, радость победы – а потом удар, рванувшееся из рук ребристое колесо руля, грохот, боль...

Удар? Нет, все-таки два... Черт!

Фонарный столб распорол капот отцовской «Волги» чуть ли до самой кабины – но перед этим что-то толкнулось в дверь с моей стороны. Машина Воронцова едва ли не вдвое мощнее, он на пять лет старше меня и водит лучше – но ту гонку засранец проигрывал.

– Вот скотина... – прошипел я сквозь зубы.

Вытряхнуть из мешка и натянуть на себя ботинки с круглыми носами, узкие серые брюки и рубашку было делом пары минут. В голове еще немного шумело, руки и ноги двигались не без труда, однако я не собирался встречать Воронцова на больничной койке... и уж тем более в халате.

Ни в коридоре, ни на лестнице мне никто не встретился. Даже Таня куда-то подевалась. То ли я вообще оказался единственным пациентом в этом крыле, то ли просто разминулсЯ с остальными. И хорошо – вряд ли кто-то из персонала посмел бы остановить рвущегося на первый этаж дворянина, хотя подобное указание от Ольги Михайловны у них наверняка имелось. Уже выходя в центральную залу, я заметил, что всю дорогу сжимал кулаки.

Зачем, интересно? Собираюсь бить Воронцова? Взрослого Одаренного, первого и единственного сына в семье? Ну-ну...

– Ваше сиятельство, – пробормотал дедок-вахтер в непонятного цвета ливрее, поднимаясь мне навстречу, – не велели же...

– Потом! – рявкнул я.

Дедка как ветром сдуло – он рухнул обратно на стульчик и спрятался за конторкой, будто став еще меньше. То ли у меня был настолько взъерошенный и грозный вид... то ли оживший родовой Источник наделил меня тем, чем я пока еще не мог воспользоваться – но что прекрасно чувствовали окружающие. Сначала Миша, теперь несчастный вахтер...

Интересно, с Воронцовым тоже сработает?

– Князь?

Я все-таки не успел заметить его первым – хоть это и было непросто. Среди немногочисленной публики в центральной зале больницы Воронцов выделялся не только статью и ростом под два метра, но и одеждой. Лакированные ботинки блестели чуть ли не ярче ламп под потолком, а костюм тянул на две-три сотни имперских рублей, не меньше. Светло-бежевый, с рубашкой в полоску и узким черным галстуком. Так в последние года два-три одевался практически весь столичный молодняк. Просто Воронцов всегда был первым.

Модник хренов.

– Ваше сиятельство.

Я чуть склонил голову – ровно настолько, насколько того требовал этикет. Для рукопожатия мы стояли слишком далеко друг от друга – и, похоже, обоим это вполне устраивало.

– До меня доходили слухи, будто вы, сударь, желаете меня видеть.

Воронцов провел рукой по светлым зачесанным назад волосам, поправляя и так безупречную прическу. Похоже, нервничал. После вчерашнего он наверняка ожидал встретиться едва ли не с покойником – и мой вполне живой и бодрый вид... Нет, конечно, не напугал его – но уж точно удивил и обескуражил.

– В таком случае – хотел бы я знать, кто их распускает, – сказал я. – Потому как желания видеть вас у меня нет... сударь.

Спокойнее, Горчаков. Спокойнее. Не хватало еще нарваться на новые неприятности, не покинув... место излечения от старых.

– Будьте уверены – это взаимно. – Воронцов лучезарно улыбнулся. – А то я уж ненароком подумал, что вы собираетесь требовать от меня извинений.

– Не собираюсь. – Я сложил руки на груди и, не удержавшись, добавил: – Хоть мне и неприятно думать, что вы могли поступить...

– Как? – Голос Воронцова вдруг стал вкрадчиво-негромким. – Как я поступил? Мне слышалось или вы желаете в чем-то обвинить меня?.. Меня. Вы.

Все разговоры вокруг уже успели стихнуть, и теперь Воронцов старательно работал на публику. Немногочисленную – но достаточно внимательную. Уже завтра каждое слово нашей беседы узнает весь Петербург. Особенно вот это презрительное «Меня. Вы».

– Если бы я желал обвинить вас, князь, я бы так и сделал, а не занимался словоблудием.

– Ну так и не занимайтесь, любезный. – Воронцов издевательски приподнял белокрысые усики. – Не понимаю, что вы имеете в виду... Могу и рассердиться.

Нарывается. Изо всех сил наывается, сволочь. При свидетелях.

– Все ты понимаешь. – Я шагнул вперед и заговорил тише – так, чтобы не услышал никто другой. – Не можешь ездить – так хотя бы сливай честно.

На мгновение на лице Воронцова мелькнул испуг. Потом – злоба, но она тут же сменилась привычным благодушным выражением. И когда он снова заговорил, все вокруг наверняка увидели беседу если не лучших друзей, то уж точно – приятелей.

– Да говори кому хочешь, – прошипел Воронцов мне прямо в лицо. – Твое слово против моего – ничего, ноль без палочки. Ты щенок и бездарь...

– Зря ты это, князь, – вздохнул я. – Зря.

Дрожь в руках вдруг прошла. Совсем. Отступила и ярость: не погасла, а просто остыла, рухнув куда-то в живот ледяной глыбой. Будто кто-то очень большой и сильный стал за моей спиной, положил руки на плечи и тихонько шепнул: «А вот теперь – можно».

– Давай, беги, жалуйся брату, сучонок, – так же белозубо улыбаясь, продолжал Воронцов. – Плевать я на него хотел. И на деда твоего, маразматика старо...

Я ударил: без изысков выкинул кулак прямо в дергающиеся усики. Вышло неожиданно хорошо и мощно, будто я занимался этим каждый день. Голова Воронцова мотнулась назад, а я уже бил снова. Раз-два, левой-правой. Получил сам – то ли ладонью, то ли вообще локтем. В глазах тут же потемнело; впрочем, я неплохо справился и вслепую. Нырок, уход вбок, коленом между ног – плевать на приличия – и сразу же ребром ладони снизу в подбородок. Или в горло – если повезет.

Что-то негромко хлопнуло, и щеку лизнул жар. Воронцов не только был вдвое сильнее и крупнее меня, но и не стеснялся использовать магию. Вот только я уже поймал кураж и вколачивал в него все излишки сил, оставленных Источником. Отступил, перехватил неуклюжую большую руку – и тут же ударил сам, с грохотом роняя тяжелое тело на пол. Мы свалились вместе, но я оказался сверху, тут же уселся на Воронцова и принялся вбивать...

– Прекратить!!!

Только что обожженную щеку снова шарахнуло – на этот раз холодом. Досталось и боку, и большей части спины. Меня сорвало с вяло трепыхавшегося Воронцова, швырнуло вперед и протащило метра три по каменному полу. Неожиданно

скользкому... будто он вдруг покрылся тонким слоем льда.

– Князь... оба! – Ольга Михайловна потрясла рукой, стряхивая уже угасающие голубоватые искорки. – Немедленно прекратите это безобразие!

Строгая прическа ничуть не растрепалась – однако глаза за стеклами очков метали молнии. Главврач превратилась в грозную воительницу, от которой во все стороны по полу и стенам расползлся иней. Я без страха набросился на здоровенного Воронцова – но сейчас почти испугался.

Маг пятого класса – пусть даже маг-целитель – это вам не фокусы и пиротехника. Настоящая сила Одаренного. Размажет, и слово «мама» сказать не успеешь.

– Прошу меня... извинить. – Я кое-как отлип от норовившего схватить рубашку льдом пола. – У нас с его сиятельством... вышло недоразумение.

– В таком случае постарайтесь, чтобы в следующий раз ваши недоразумения происходили подальше от моей больницы! – Ольга Михайловна поправила лацканы халата. – Отправляйтесь к себе, князь. И настоятельно не советую вам появляться здесь.

Я так и не понял, к кому она обращалась... Ноги, цокающие каблуками к лестнице, наверняка выглядели более чем эффектно, но мое внимание было приковано к Воронцову. Он перекатился на бок, посмотрел волком на меня, потом на удаляющуюся княгиню... и, похоже, решил, что на сегодня разборки уже хватит. А невольные зрители шоу тут же принялись усердно делать вид, что ничего и вовсе не произошло, – в гробовой тишине дружно пялились в потолок.

И только бедный дедок в ливрее до сих пор испуганно таращился на меня из-за своей конторки.

– Офигеть... – раздался голос со стороны входа.

Я обернулся и тут же встретился глазами с девчонкой примерно Таниных лет.

Занятная особа. Джинсы с кроссовками, блузка и короткая кожаная куртка, перетянутая наискосок ремешком фотоаппаратного футляра. Если бы не убранные под повязку темно-русые волосы, незнакомку вполне можно было бы принять за парня.

Невысокого, худощавого и очень-очень смазливового парня.

– Офигеть, – повторила она, наводя объектив прямо на меня. – Вот это было круто.

Щелчок затвора – и явно не первый. Судя по всему, на пленку попала вся наша с Воронцовым баталия... И я тут же представил себе первую полосу завтрашней светской хроники.

Блестяще, Горчаков. Десять побитых князей из десяти.

Видимо, Воронцов считал примерно так же. Поднялся, отряхнулся, поправил помятый пиджак и заковылял к выходу, стараясь не смотреть на людей. И только когда девчонка с фотоаппаратом чуть ли не в упор щелкнула его, обернулся расквашенной рожой и сквозь зубы произнес что-то резкое и шипящее.

Горе-репортерша ойкнула и выпустила внезапно вспыхнувшую алым пламенем камеру. Та тут же гроыхнула о пол и брызнула во все стороны осколками объектива. А сама фотолюбительница встряхнула обожженными пальцами, пошатнулась и, не удержавшись, с размаху уселась на пол.

У меня вдруг возникло желание догнать Воронцова и всыпать ему еще раз – но сил хватило только кое-как встать на ноги и сделать пару шагов.

– Ну вот, – вздохнула девчонка. – Вторая камера за месяц. Не везет так не везет.

– Прошу простить меня, сударыня. – Я протянул руку. – Моя семья возместит вам ущерб... за нашу с князем выходку.

– Да какая я сударыня... ваше сиятельство. – Девчонка улыбнулась, крепко обхватила мою ладонь и рывком поднялась с пола. – Вроде не благородных

кровей. Где вы научились так драться?

– Самому интересно... – пробормотал я.

Уж точно не в лицее. И вряд ли дома – Миша предпочитал отрабатывать на мне приемы, а не делиться ими.

– Так... стойте ровно. – Девчонка вытащила откуда-то платок и осторожно промокнула мне над верхней губой. – Больно?

– Нет. – Я пожал плечами. – Ерунда.

Я не собирался строить из себя героя. Просто не почувствовал боли. Но теперь она понемногу начинала о себе заявлять. Воронцов тоже постарался и расквасил мне нос. После разборок и драки прикосновения моей новой знакомой казались почти приятными. Впрочем, хорошее всегда заканчивается куда быстрее, чем плохое. Девчонка убрала платок, отступила на шаг, склонила голову набок, оценивая свою работу, – и, похоже, осталась довольна.

– Идите и умойтесь. Или Бельская вас с потрохами съест!

Я так толком и не понял, что нужно делать с ее протянутой рукой, так что от манерного поцелуя отказался – и все же позволил себе удержать девичьи пальцы чуть дольше, чем того требовали приличия.

И все равно прощание вышло каким-то скомканным. Только когда попавшая под раздачу фотолюбительница скрылась за дверью, я сообразил, что не узнал ни адреса, по которому следует отправить компенсацию за разбитую камеру... ни даже имени.

Такие вот дела. Оставалось только развернуться и топать обратно в палату. И надеяться, что Ольга Михайловна не поджидает где-нибудь на лестнице с целью добраться до моих потрохов.

Повезло – я снова никого не встретил. «Дворянское» крыло больницы будто вымерло, и даже снаружи наконец наступили ночь и темнота, в которой сквозь деревья просвечивали огни Литейного. Могучая брочка Воронцова исчезла: его

сиятельство поспешил домой зализывать полученные в бою раны.

И только черная «Волга» никуда не делась – все так же стояла под окнами. Прямо напротив входа.

Глава 5

– Знаешь, почему мы носим эти знаки на одежде?

– Черные черепа? Они... они страшные.

– Может быть. Это особый знак. Его использовали...

– Давно? Еще до войны?

Я открыл глаза. И тут же заслонился рукой от солнца – лучи пробивались между шторами и лупили прямо в лицо, разгоняя остатки сна... Очень странного сна.

– Вставайте, князь, вас ждут великие дела.

Костя заерзал на стуле, потянулся и откинул со лба волосы. Длинные и чуть вьющиеся. Темные – однако не черные, как у отца и нас с Мишей, а отдающие рыжинкой. Дед все время ворчал, что старший брат испортил всю горчаковскую породу: уродился рослым, но худосочным – да еще и с голубыми глазами.

Как у мамы.

– Давно тут сидишь? – спросил я.

– Минут десять, – пожал плечами Костя. – Не хотел будить.

– А как же дела? Тебя в Зимнем не ждут?

– Да ну их... – Костя махнул рукой. – Денек обойдутся и без меня. Может же наследник княжеского рода, в конце концов, лично забрать из больницы родного брата?

– Забрать? – удивился я. – Прямо уже вот так?

– Прямо так. Княгиня Бельская убеждена, что ты здоров... даже слишком. – Костя подхватил со стула брюки и бросил на кровать. – Так что надевай штаны – и айда выписываться.

Здоров, и даже слишком. Похоже, мои вчерашние подвиги уже известны брату. А может, и не только ему.

– Уже рассказали? – мрачно вздохнул я, засовывая ноги в штанины. – Деду?..

– И деду тоже. – Костя поморщился, будто вспоминая что-то особенно неприятное. – Так что пощады не жди.

– Да и ладно! – Я сердито рванул рубашку, натягивая рукав. – Пусть хоть что делает – извиняться не стану. Буду я еще слушать, как этот козел меня и всю семью опускает!

– Опускает? – зажмурившись, повторил Костя. – Слово-то какое... Так ты, выходит, за дело?..

– Ага. – Я поправил ворот. – За себя – ну и за деда тоже. А ты бы как сделал?

– Я бы... – Костя почесал подбородок и вдруг хитро улыбнулся. – Что, прямо вот так? Воронцову – по морде, кулаками кровь пустил?

Я не стал отвечать. Но брат ничуть не рассердился – скорее наоборот. В его глазах вдруг мелькнула хулиганская искорка. Та самая, которую я почти не видел со смерти родителей. Тогда он превратился из просто Кости в Константина Петровича, князя, члена Государственного совета, фактического главу рода – вместо удалившегося на покой деда... Превратился так быстро, что сам не успел заметить.

– Ладно, пойдем, герой. – Костя хлопнул меня по плечу и шагнул к двери. – Покажемся княгине – и домой.

Я понятия не имел, куда идти, но брат уверенно показывал дорогу и через несколько минут уже открыл передо мной дверь. Солидную, из тяжелого темного дерева, с золотыми буквами – как и положено. Хозяйка кабинета в кожаном кресле возвышалась над столом, который занял бы примерно половину моей больничной палаты... Не самой маленькой, между прочим.

– Присаживайтесь. – Ольга Михайловна указала кончиком ручки на пустые кресла напротив входа и коротко кивнула мне. – Князь...

– Ваше сиятельство. – Я склонил голову и уселся напротив брата. – Еще раз прошу простить меня за вчерашний беспорядок.

– Извинения приняты. – Ольга Михайловна чуть сдвинула брови. – Я надеюсь, подобное не повторится... однако сейчас речь не об этом. Как вы себя чувствуете, князь?

– Просто отлично. – Я пожал плечами. – Вчера немного кружилась голова, но сегодня все прошло. Я абсолютно здоров.

– Это видно, – усмехнулся Костя. – И все-таки хотел бы я знать, как случилось такое... чудо.

– И я тоже, князь. – Ольга Михайловна отложила ручку. – Однако, к сожалению, могу лишь догадываться. Некоторым родовым Источникам больше тысячи лет – вот только мы до сих пор не можем изучить их как следует.

– А стоит ли? – Костя пристроил руку на подлокотник. – Я верю в современную науку, но кое-какие вещи... лучше не трогать.

– Не могу не согласиться. – Ольги Михайловна посмотрела на меня, и я на мгновение снова ощутил прикосновение ее Дара. – Раньше с Александром... Петровичем подобного не происходило? Может быть, давно, в детстве?

– Нет. – Костя помотал головой. – Ни разу. Если честно – мы и не ждали. Сами понимаете: третий сын в семье...

– ...При живом дедушке, – кивнула Ольга Михайловна. – Сильная связь с Источником проходит в роду обычно по мужской линии, но редко возникает у младших детей. И все же такие случаи встречаются, так что называть их исключительными... несколько преждевременно.

– Тогда остается только порадоваться, – улыбнулся Костя. – Сильный Одаренный – удача для любого рода.

– И это тоже несколько преждевременно. Во всех... Я повторяю: во ВСЕХ описанных случаях распределение силы Источника на младшего ребенка и резкий рост способностей наблюдались до достижения им шести-семи лет. Точно так же, как у меня, у вас или у любого другого наследника рода. А здесь – ничего похожего. Совершенно. – Ольга Михайловна накрыла ладонью пухлую тетрадь. – Я три раза просмотрела карту Александра – и не нашла даже следов. Личный Дар – ниже среднего, эманации Источника практически отсутствуют. Никаких всплесков.

Ну спасибо... Ниже среднего, отсутствуют... А ничего, что я здесь сижу?

– Уф-ф-ф... – Костя отер пот со лба. – Княгиня, можно как-нибудь попроще? Что все это значит?

– Что угодно. – Ольга Михайловна развела руками. – Более-менее заметное усиление Дара у взрослых иногда встречается в случае смерти старших родственников по прямой линии – но здесь-то явно другое... Я бы сказала – качественно другое. Вот, посмотрите.

На столе перед нами появились два листа миллиметровой бумаги. На обоих были изображены какие-то графики... и на этом сходство заканчивалось. Первая картинка казалась скучной и блеклой – почти прямая синяя линия с редкими биениями, будто застывшая на отметке в семнадцать неизвестных мне единиц. Зато вторая сразу притягивала взгляд: неровная, дергающаяся, похожая на огромную пилу, для пущей наглядности нарисованную красным. Я при всем желании не смог бы оценить среднее значение, но самые высокие пики уходили заметно выше двухсот... чего-то там.

– Диаграмма Дара. – Костя подался вперед и вытянул шею, чтобы получше рассмотреть графики. – Если бы я не догадывался, в чем дело, сказал бы, что это два разных...

– Именно так, князь. – Ольга Михайловна ткнула ручкой в первый лист. – Я запросила диаграмму Александра из лица: вот он, примерно год назад. Полностью то же самое, что и в детстве. А здесь, – золоченый колпачок переместился и уперся прямо в ярко-красную «пилу», – вчерашние показатели.

Я понятия не имел, что вообще значит вся эта муть, но если уж пиковые цифры моего Дара после аварии каким-то образом рванули вверх в десять с лишним раз...

– У меня примерно то же... или даже чуть послабее. Так он лет через двадцать даже деда обгонит. – В голосе Кости на мгновение мелькнуло что-то вроде зависти. – Круто, конечно... Только что теперь с этим делать?

– Наблюдать. У детей синапсы пластичны, и они переносят прирост спокойно. А вот для взрослого... – Ольга Михайловна скосилась на меня, – почти взрослого человека такое скорее опасно. Александр может просто перегореть.

– Даже так?

– Так – и куда хуже. – Ольга Михайловна смела графики в сторону. – Задерживать вас здесь я не вижу смысла. Впрочем, все же попрошу... вас обоих. При любых странностях сразу же звоните мне. В любое время.

– В любое время, – кивнул Костя. – Получается, нужно будет обучать Александра контролю – так же, как нас с Михаилом?

– Здесь я вам не советчик. – Ольга Михайловна невесело вздохнула. – Неизвестно, что хуже: слишком быстро развивать такой Дар – или оставить его без должного внимания. Это касается исключительно вашего рода. Однако что бы вы ни решили – лучше держите в тайне.

– Разумеется. Если все это, – Костя указал на графики на столе, – выйдет из кабинета, Саше придется туго.

– За себя я ручаюсь. – Ольга Михайловна приспустила очки и посмотрела на меня поверх них. – Но очень важно, чтобы мы все это понимали.

– Да понимаю я, понимаю, – проворчал я. – Рот на замок. Если что – тут же звонить вам.

– Все правильно. – Ольга Михайловна улыбнулась – и тут же пристально посмотрела на меня. – А сейчас вы не чувствуете... ничего особенного? Чего-нибудь, чего раньше точно не было?

Особенного? Нет, все в порядке. Ничего не болит, голова не кружится. Даже аппетит как будто есть. Разве что...

– Не очень хочется говорить, конечно... – Я постучал кончиками пальцев по подлокотнику. – Еще посчитаете сумасшедшим. Хотя раз уж обещал – мне иногда кажется, что я вспоминаю вещи, которых в принципе не могу знать. Или думаю не так, как раньше думал. А еще курить хочется... извините.

Глаза Ольги Михайловны вдруг сверкнули голубыми льдинками – и голову будто обхватило стальным обручем. Сдавило и тут же отпустило. Прошло... Костя непонимающе захлопал глазами – похоже, успел почувствовать, но так и не понял, что именно случилось.

– Еще... что-нибудь? – произнесла Ольга Михайловна, старательно чеканя каждое слово.

– В общем-то, все. – Я пожал плечами. – Все помню. Только по всему выходит, что я теперь... как другой человек, что ли.

– Ах, это... – Ольга Михайловна неожиданно заулыбалась. – После сильных черепно-мозговых травм иногда случается. Сама лично не сталкивалась – но в литературе примеры есть, и немало. В каком-то смысле явление, обратное ретроградной амнезии. То есть там человек забывает то, что было, а здесь – получает ложную память. Иногда даже странные привычки.

– Привычки? – переспросил я.

– Такой вот занятный феномен. – Ольга Михайловна покрутила пальцами ручку. – Во Франции примерно пятнадцать лет назад описан случай, когда один маркиз после сотрясения мозга стал съедать в сутки по несколько банок гусиного паштета, хотя раньше терпеть его не мог. Уж не знаю, можно ли верить таким историям... Впрочем, источник внушает уважение.

– Ага... – Я потер до сих пор чуть ноющие виски. – Нет, на паштет пока не тянет.

– Ну, раз так – все точно в порядке, – усмехнулась Ольга Михайловна. – Можете быть спокойны, князь. Другим человеком вы не стали. И не станете.

Ее голос звучал мягко, доброжелательно и успокаивающе, хотя я успел заметить, каким взглядом она зыркнула на Костю – и как раз во взгляде ничего подобного не было. Княгиня явно напряглась куда сильнее, чем показывала.

Знать бы еще – почему?..

– Так... – Костя оперся ладонями в подлокотники и медленно поднялся с кресла. – Мы, наверное, пойдем.

Глава 6

Задерживать нас никто, разумеется, не стал. Мы попрощались с Ольгой Михайловной и вышли на лестницу. В окно всюду светило солнце, откуда-то доносился шум улицы, и чувствовал я себя просто прекрасно – и все-таки странное ощущение меня так и не отпустило.

– Кость, – позвал я. – Ты чего?

– В смысле?

– Ну подожди. – Я догнал брата на лестничной площадке, поймал за плечо и осторожно развернул к себе. – Да что не так-то?

Может, раньше он без труда смог бы меня обмануть. Отмахнуться, натянуть на лицо улыбку и сделать вид, что все нормально. Но теперь я почему-то сразу понял: Костя явно чем-то озадачен... а может, даже напуган.

- Да так... - Он отступил на шаг, уперся лопатками в стену и потрянул головой. - Ерунда всякая в голову лезет. Тебе все равно не объясню.

- А ты попробуй. - Я уселся прямо на ступеньки. - Это из-за того, что Бельская сказала?

- Не совсем. - Костя на мгновение задумался. - Дед всегда говорил, что из Горчаковых менталисты на тройку с минусом, но я лет с семи других... чувствую, что ли. Наверное, от мамы досталось.

- Ага, - отозвался я. - И чего же ты чувствуешь?

- Вот в том-то и дело. - Костя вздохнул и отвел глаза. - Раньше я на тебя смотрю - а ты... как свежая лужа на асфальте. Только не обижайся, ладно?

- Сложно, но постараюсь.

- В смысле - плоский и прозрачный. Все видно и все понятно. Сразу можно сказать, о чем думаешь, какое настроение.

- Да? - Мне вдруг захотелось улыбнуться, хоть никакого веселья я не чувствовал. - А сейчас?

- А сейчас - черт знает. - Костя отлип от стены и снова неторопливо зашагал по лестнице. - На болото торфяное похоже. Черным-черно, ничего не видно. А глубина такая, что попробуй влезь - там и останешься.

Да уж. Не знаю, смогла ли Ольга Михайловна, которая не знала меня с самого детства, разглядеть что-нибудь подобное... хотя по всему выходило, что смогла. А то и увидела то, что скрывалось даже от меня самого. Что бы ни случилось с моим Даром и разумом после аварии, я изменился. И чертик, едва не повыбивавший Воронцову все зубы, в моем персональном омуте теперь наверняка не попал бы даже в десятку самых крупных.

Я открыл дверь на улицу и на мгновение испытал облегчение, не увидев черной «Волги» напротив входа. Вот только моя радость оказалось преждевременной: зловещая «баржа» лишь сместилась метров на пятьдесят вправо – похоже, все-таки уезжала на ночь, – но окончательно свой пост так и не покинула. Затемненные стекла блестели на солнце, и я не мог увидеть, есть ли кто внутри.

– Ты идешь? – Костя обернулся и замедлил шаг. – Саш?..

– Иду.

Я тряхнул головой, отгоняя ощущение чужого взгляда, но оно оказалось прилипчивым. Будто кто-то снова «зондировал» меня. Как Ольга Михайловна... только изящнее – и при этом куда успешнее. Уж не знаю, что успела заметить она, зато этот явно увидел вообще все. И закрыться я бы не смог, даже если умел бы.

Круче, чем пятый магический класс? Елки...

Таинственный шпион «отпустил» меня, только когда мы вышли за ограду на Литейный. Костя вполне бы мог проигнорировать указатель «служебный въезд» и проехать внутрь, как Воронцов, однако не стал хамить. Дед всегда говорил, что скромность – чуть ли не важнейшая добродетель дворянина, и брат умел закрутить гайки своему тщеславию.

Но уж точно не в том, что касалось машин.

Припаркованная в полусотне метров от ворот «Чайка» цвета слоновой кости блестела так, что становилось больно глазам. Огромная, роскошная, с вытянутыми задними крыльями, похожими на рыбы хвосты, она казалась громоздкой и медлительной – но только на первый взгляд. Спрятавшийся за хромированной решеткой радиатора двигатель на трассе вполне мог бы угнаться и за спортивной «Волгой», и даже за «Понтиаком».

– Ты чего так вылупился? – усмехнулся Костя, закидывая мешок с моим барахлом куда-то назад. – Будто в первый раз видишь.

– Да блин... – Я устроился на скрипнувшем кожей сиденье. – Хороша бричка.

- А то. - Костя хитро улыбнулся. - За руль хочешь?

- Да!

- Балда. У тебя даже прав нету.

- Шутник... - насупился я. - Как будто раньше это кому-то мешало.

- Раньше было раньше. - Костя вздохнул и воткнул ключ куда-то под руль. - А теперь тебе до седой бороды не светит. Дед суров - но он дед.

- Угу, - буркнул я. - Ладно, поехали... на казнь.

«Чайка» зарычала, развернулась и неторопливо покатила по Литейному. Первые минут десять я просто пялился в окно. Будто заново открывал город, в котором прожил всю жизнь... а я ведь уже тысячу раз видел все это. Каждую вывеску. В центре Питера чуть ли половина магазинов, заведений и контор вели дела еще с прошлого века, так что в их названиях кое-где мелькали старые буквы: черные или золотистые «яти» и «еры» на белом фоне, иногда на нескольких этажах разом.

Только вот этих, на углу Забалканского, раньше не было. Или вывеска переползла чуть ближе. Или еще недавно цвет у нее...

- Эй, Сань, ты чего? - Костя чуть притормозил. - Опять голова?

- Да не. - Я сполз по сиденью, устраиваясь поудобнее. - Нормально. Слушай... а чего Бельская говорит, что обо всем этом никому рассказывать нельзя? Ну, типа, тайна?

- Да не то чтобы прям тайна. - Костя включил поворотник. - Но сильный Одаренный - это всегда событие. Только если по-настоящему сильный. Раньше бы ты класс десятый-одиннадцатый после лица получил, а четырнадцатый вообще всем дают... но это так.

- Ага, - кивнул я. - А теперь у меня какой?

– Никакой. – Костя улыбнулся и перебрал руками, вращая обтянутый кожей руль. – Пока учебу не закончишь – фиг тебе, а не магический класс. А чисто по диаграмме – ну, на восьмой, как у меня, потянет. Или даже на седьмой.

Вроде вспоминаю, хоть и местами туго. Четырнадцатый – можно сказать, бездарь. Десятый после лица – слабенько, хотя уже кое-что. Восьмой в Костины двадцать пять – неплохо, а в мои шестнадцать – совсем круто... конечно, если осилить аттестацию, что пока в принципе невозможно.

Но и это все равно не пятый, как у Ольги Михайловны. А есть ведь еще круче... Впрочем, высшие магические классы – удел наследников княжеских родов. И то не всех – и уж точно не сразу.

– А дед?.. – на всякий случай уточнил я.

– На покой уходил на третьем, – отозвался Костя. – А сейчас – кто ж его знает. Может, уже и второй бы потянул. Да толку-то...

– Сильно. – Я прикинул в уме свои перспективы. – Ты говорил, что и я через двадцать лет...

– Да ты погоди! Это же все те-о-ре-ти-чес-ки, – проговорил Костя по слогам. – А как оно будет – сейчас все равно не поймешь. Так что пока не высовывайся... И с Воронцовым больше не связывайся, понял?

– И чего это не связываться? Вроде...

– А того, что он тебя убьет. – Костя нахмурился и чуть придавил газ. – И не смотри, что еле на девятый класс натягивает. Взрослый Одаренный, единственный сын в семье без отца – Источник близко. Его учили контролю магии... Хреново, но учили.

А меня – нет. Да, я в одночасье стал сильнее себя вчерашнего почти в десять раз. Чувствую родовой Дар, пытаюсь поймать странную энергию вокруг – и ловлю! Буквально трогаю пальцами... Вот только сделать с ней пока ничего не могу.

- Ладно, - буркнул я.

- Да ты пойми, что не в нем дело. Воронцов - это так, фигня на постном масле. Гонки, разборки - для тех, кому заняться нечем.

На лице Кости на мгновение проскочило то ли недовольство, то ли сожаление - давно ли он и сам был таким? Беззаботным шалопаем, который не приходилось занимать место деда в Госсовете и тащить на себе все семейные дела.

- Из этих тебя никто пальцем не тронет. А тронет - я по стенке размажу, - продолжил Костя. - Но если кто-то прознает, что ты к двадцати с копейками имеешь неплохой шанс выйти на седьмой класс - жизни тебе не дадут.

- Почему?

- По всему. В первую очередь - хорошая наследственность. Как стукнет семнадцать, за тебя девки передерутся. И не только девки. Взрослым барышням всей это фигни с венчанием и кольцами не особо надо, они на это дело... смотрят попроще. - Костя хмыкнул, покраснел, скопился на меня - и, похоже, решил не развивать тему. - Моргнуть не успеешь, как к чужому роду так привяжут, что не дернешься. Или полиция захочет себе забрать. Или Тайная канцелярия, а там и военные подтянутся. А может, и сама государыня Императрица пожелает... ко двору.

- Ага, - кивнул я. - И какой из этих вариантов самый нормальный?

- Честно - никакой. - Костя свернул с круговой дороги и выехал на Царскосельское шоссе. - Не одни, так другие сожрут и не подавятся. Только пусть это хотя бы будет попозже, когда ты наберешься... ума. Пока дед жив еще ничего, а там... сам понимаешь.

- Понимаю. Ладно, разберемся.

До самого дома мы не разговаривали. Оказалось, уже не о чем - да и желания не было. За городом Костя, наконец, дал волю могучему мотору. Под капотом радостно зарычало, «Чайка» вильнула в левый ряд и полетела, набирая скорость и обгоняя грузовики, автобусы и мелкие легковушки.

Однако неприятности обогнать не смогла даже она.

Странное предчувствие накатило даже раньше, чем мы свернули за указатель «Елизаветино», который Костя чуть не прозевал. Родовое гнездо Горчаковых встретило нас приветливым солнышком и ровными домиками, выстроившимися по обеим сторонам дороги. Отовсюду буквально веяло тишиной и покоем, но за всей этой пасторалью уже назревало... что-то.

Похоже, в комплекте с подросшим Даром мне досталось и сверхчеловеческое чутье. Оно взвыло еще километра за полтора до усадьбы – а Костя безмятежно рулил, пока за поворотом не показалась знакомая черная ограда.

– А это что за?.. – пробормотал он, едва не впечатавшись носом в руль.

– А это, Кость, проблемы. – Я протяжно вздохнул и взялся за ручку двери. – Те самые, про которые ты говорил.

Темно-серая машина стояла почти у самых ворот. Я не мог разглядеть эмблему, но уже понял: агрегат серьезный. Конечно, не «Понтиак», хотя тоже что-то американское, навороченное и крутое. Разве что годом чуть постарше.

Глава 7

– Дуэль? Да я вам такую дуэль устрою!

Дед громыхнул кулаком по столу. Так, что подпрыгнули не только телефон, чернильница и курительная трубка, но и мы с Костей. Годы – шутка ли, едва не сотня – почти отняли у главы рода Горчаковых ноги, а вот в руках силы было еще достаточно.

И не только в руках. Во все стороны разошлась волна такой мощи, что я всерьез начал переживать за стекла. Причем не только в усадьбе – во всем Елизаветино. Делами уже давно занимались отец с Костей: дед ушел на покой, когда мне было лет пять-шесть... но примерно раз в полгода напоминал, кто здесь **НАСТОЯЩИЙ** князь Горчаков.

И тогда со стен летела штукатурка, а иногда и доски с кирпичами. Домашние прятались по углам, и село будто вымирало примерно на полдня. А потом все возвращалось на круги своя: дольше ослабевшая с возрастом дедова память обиды не удерживала.

– С ума посходили?!

Вся усадьба вздрогнула до основания, и стул, на котором я сидел, – махина из резного дерева весом килограмм в десять – вместе со мной сдвинулся на полметра назад. А Костя даже не покачнулся: похоже, успел выставить какую-то хитрую защиту, которую я не смог даже разглядеть.

Да уж. Учиться мне еще и учиться. И шансов против взрослого Одаренного немного... Да что уж там – вообще никаких.

Имени секунданта я так и не запомнил: рослый темноволосый парень передал, что его сиятельство князь Воронцов требует сатисфакции, – и поспешил удалиться. Видимо, быстро сообразил, что с деда станется вышвырнуть его из усадьбы. Так что отдуваться приходилось нам с Костей.

– Шиш тебе, а не дуэль! – Дед выставил вперед руку, сложенную в незамысловатом исконно русском жесте. – Понял, свиненыш?

В гневе Горчаков-старший мало походил на почтенного господина дворянской крови. Скорее в нем появлялось что-то от богатыря с картин прошлого века: такое же кряжистое, могучее, рвущееся из-под толстого махрового халата, с которым дед не расставался даже летом. Он велел брить себя каждое утро, но и без усов и бороды вид имел суровый, если не сказать грозный. Наверное, из-за кустистых бровей, соперничавших по густоте с остатками шевелюры и бакенбардами.

– Милостивый государь... дедушка, – осторожно заговорил Костя, – ты бы полегче, что ли...

– Полегче?! Да ты что, не видишь, что этот дурак задумал?

Мне показалось, что я даже слышу, как Костина защита тихонечко трещит, проминаясь. От деда исходила такая силища, что будь Воронцов здесь – сам наверняка принялся бы извиняться, каясь во всех мыслимых и немыслимых прегрешениях.

– Ваше сиятельство... Александр Константинович!

Из-за Костиного плеча выглянул уже знакомый мне Колычев. Отставной титулярный советник, похоже, оказался в курсе дел чуть ли не раньше нас всех.

– Понимаете, Александр... не может... отказаться, – промямлил он, теребя воротник. – Весь высший свет тут же узнает, и даже вы...

– Ты мне, Сергей Иванович, не говори, чего делать. – Дед снова грозно сдвинул брови. – Я и сам с усам. Сашку под замок, а Воронцова скажу гнать... Дуэлянты нашлись!

– Это невозможно, – подал голос я. – Если я откажусь от поединка – последствия не заставят себя ждать. И затронут весь...

– Цыц! Ты вообще молчал бы, – проворчал дед – впрочем, уже без особой уверенности. – Мал еще.

– И все-таки Саша прав. – Костя вздохнул и рукавом вытер пот со лба. – Вызов был передан по всем правилам, и отказ оскорбит не только Воронцовых, но и все рода. Разумеется, об этом не объявят открыто – но нас с Мишей перестанут приглашать... И рано или поздно меня попросят из Госсовета. Никто не станет иметь дела ни с одним из Горчаковых.

– Ну что, доволен? – Дед снова повернулся ко мне. – Смотри, во что ты нас втянул!

– Никто не обязан отвечать за мои поступки. – Я пожал плечами. – Это касается только меня и Воронцова.

– Тьфу ты... заладил, – отозвался дед. – Никто не обязан... Только его касается. Честь дворянскую защитить решил?!

- Дед...

- Сто лет как дед! Знаю я, чего там у вас с князем вышло... И что за меня, старого, заступился - тоже знаю. Есть в тебе горчаковский дух, Сашка... - Дед посмотрел на меня уже почти без злобы. - Да толку-то с него будет, если Воронцов тебя прибьет?

- А это вообще обязательно? - поинтересовался я. - Если меня просто ранят...

- Я могу драться вместо Саши. - Костя подался вперед. - Он несовершеннолетний и имеет право просить защиты у старшего в роду.

- Это почти то же самое, что отказаться от поединка, ваше сиятельство, - раздался голос за спиной. - Дуэльный кодекс не содержит прямых указаний на этот счет, но мы все знаем примеры, когда драться выходили юноши пятнадцати или даже четырнадцати лет... Увы, наши деды выросли куда быстрее.

Андрей Георгиевич, до этого молча подпиривший стену широченной спиной, шагнул вперед. И я на мгновение испытал что-то вроде страха из детства - настолько жутко выглядел одноглазый бритый дядька с огромными усами, вся правая половина лица которого напоминала один сплошной рубец.

Даже Костя не знал, откуда взялся страшный ожог, - а я уж тем более. Мы с Андреем Георгиевичем будто существовали в разных мирах. Я слышал, как его называли «ваше благородие» или «барон». Знал фамилию - Штольц - и то, что деду служил еще его отец. Мне не приходилось видеть Андрея Георгиевича в мундире, однако выправка выдавала в нем то ли вояку, то ли полицейского в отставке. Не случайно он ведал охраной усадьбы... а может, и вообще всей службой безопасности рода - я никогда особо не интересовался.

А стоило бы.

- Да нету никакого кодекса! - рявкнул дед. - Где написано? Государыня императрица узнает - с обеих шкуру спустит и разбираться не станет.

- Дуэльный кодекс никогда не существовал в виде документа. Даже неофициального. - Голосом Андрея Георгиевича можно было заморозить целое

озеро. – Однако данный свод правил соблюдается... практически неукоснительно. Помнится, даже вы в двадцать третьем году...

– Ну хватит уже! – Дед негромко выругался себе под нос. – Без тебя знаю. Ты лучше сказал бы, как мне внука выручить.

– К сожалению, возможности Александра Петровича и Воронцова несопоставимы... на данный момент. – Андрей Георгиевич пристально посмотрел на меня, и я снова ощутил уже знакомое покалывание. – Но специально для таких случаев в дуэльном кодексе допускаются исключения. Вместо родового Дара можно использовать шпагу или пистолет. А по праву вызванного оружие выбирает Александр.

– Фехтовать Саша не умеет, – вздохнул Костя. – Стрелять – тоже.

– Как и Воронцов. – Андрей Георгиевич невозмутимо пожал плечами. – Он старше и сильнее, так что шпага, наверное, отпадает... А вот с пистолетами на двадцати шагах они будут в равных условиях.

– Наверняка мы оба промахнемся. – Я, похоже, уловил ход мыслей безопасника. – И тогда Воронцов может считать конфликт исчерпанным. Вряд ли ему захочется продолжать и становиться врагом всего рода.

– Не захочется, – кровожадно процедил Костя. – Уж я позабочусь.

– И ты туда же. Будто одного дурака мне мало...

Дед все еще ворчал, но скорее по инерции – гроза уже миновала. Узловатые пальцы нашарили на столе трубку – древнюю, насквозь прокуренную, явно ручной работы. С длинным мундштуком и резной мордой на чаше. То ли уродливый человек, то ли черт хитро щурился на меня деревянными глазами, будто пытался сказать: ничего у тебя, Саша Горчаков, не выйдет. Будешь лежать в земле сырой...

Хрен тебе, морда. Обойдешься.

– Ну, чего сидим? – Дед пальцем утрамбовал в трубку щепотку табака. – Идите уже. А ты, Андрей Георгиевич, отведи-ка Сашу в лес за усадьбу – да постреляйте. Погляди, чего парень может.

* * *

– Вот. Хорошее место. – Андрей Георгиевич замедлил шаг и огляделся по сторонам. – Здесь и начнем, пожалуй... Раньше стрелял?

– Нет, конечно, – усмехнулся я. – Как-то без надобности было.

Мы отошли за ограду метров на двести с чем-то. Не в село, конечно, а в другую сторону – к лесу. Чтобы не напугать местных... а заодно и спрятаться от лишних глаз. Усадьба – вытянутое светло-желтое двухэтажное здание – виднелось сквозь подлесок, но уже достаточно далеко, чтобы выстрелы не тревожили домашних с прислугой.

– Плохо. Ну да ладно, чего уж. – Андрей Георгиевич грузно опустился на поваленное дерево. – Смотри.

Револьвер с коричневой рукояткой с насечками – явно старенький, потертый по бокам – в могучих лапищах казался чуть ли не игрушечным. Патроны вставлялись в барабан сбоку по одному, и его каждый раз приходилось проворачивать: не самая удобная конструкция, зато простая и наверняка надежная. Андрей Георгиевич зарядил оружие и большим пальцем оттянул назад курок до щелчка.

– На дуэли, конечно, другой будет. Специальный, – пояснил он. – А это наган. Лучше стреляй со взведенного – меньше дергается. Вот так...

Не поднимаясь с бревна, Андрей Георгиевич вытянул руку с револьвером. Раздался грохот, и от дерева в паре десятке шагов посыпалась кора. Безопасник тут же взвел курок и выстрелил еще раз. Кажется, промазал... нет, все-таки зацепил – сбоку осталась белесая отметина.

– Эх-х-х... – Андрей Георгиевич бросил на меня смущенный взгляд. – Я ж сам-то с пистолетами не приучен. Вот Горынычем или Булавой бы хоть с двухсот шагов

не промазал, а это... огорчение одно.

Горыныч и Булава – Костя рассказывал. Несложные, но весьма эффективные боевые заклятья. По сравнению с любым из них огнестрел – детская игрушка. Но, как говорится, за неимением лучшего...

– Держи, – Андрей Георгиевич привстал и протянул наган мне. – Осторожно только, в сторону дома не направляй. Взведи... Целься по стволу, так быстрее будет. И жми плавно, не дер...

Железка в моей руке ожила. Громыкнула, подкинула ствол и лягнулась так, что я едва удержал. Но пуля легла как раз туда, куда надо, – чуть ниже места, куда попал Андрей Георгиевич. Я взвел курок, взялся за рукоять покрепче и выстрелил еще раз. И потом еще три почти без перерыва.

– Ты смотри, все попал. – Безопасник довольно цокнул языком. – Как в копеечку. Снайпер!

Я молча кивнул. Удача и похвала грели душу... но почему-то никак не могли избавить от ощущения, что я делаю что-то не так: стою, поднимаю револьвер перед выстрелом... Даже целюсь не так, хоть это и получается быстро и в целом неплохо.

А может, дело в самом нагане?

– А нет ли чего... посерьезнее? – Я осторожно пристроил еще дымящийся револьвер на бревно. – А то этот какой-то...

– Посерьезнее? – Андрей Георгиевич хитро улыбнулся. – Что, понравилось?.. Ладно, так и быть.

Из-за отворота пиджака появился еще один пистолет. И еще до того, как моя рука коснулись блестящего вороненого металла, я уже знал: вот. Оно.

Примерно такой же длины, как наган, но массивнее. Без барабана, плоский, с широкой рукоятью. Чуть ли не в полтора раза тяжелее – и все равно неожиданно удобный, сбалансированный, хоть мне и только-только хватило пальцев

нормально его обхватить.

– Кольт, эм один девять шесть один. Шестьдесят первого года модель, стало быть. Американец, у нас таких мало... Сам себе брал, за пятьдесят три рубля – как сейчас помню, – принялся рассказывать Андрей Георгиевич. – Самозарядный, патроны в магазине. Сорок пятый калибр. Страшная вещь – смотри, чтобы руку не...

Я почти не слушал. Кольт лег в ладонь как влитой, и я будто уже и так знал, что делать: до упора отвел назад тяжелый затвор, досылая патрон в ствол, и развернулся к цели. Не боком, как раньше, а прямо, чуть согнув ноги, опустив и подавшись телом вперед. Крепко обхватил пистолет обеими руками, чтобы не выронить, вскинул и, почти не целясь, выстрелил.

На этот раз гроыхнуло куда громче, и от несчастного дерева во все стороны брызнули щепки. Кольт дернулся, выплевывая гильзу, рванулся вверх – но я удержал. Выстрелил снова. И снова, и снова – пока могучий американец не замер в руках с отведенным назад затвором.

– Сашка, да твою ж... – Андрей Георгиевич поднялся с бревна и с неожиданной для его возраста и габаритов прытью оказался у дерева. – Все. Все!

– Что все? – Я потрянул головой, прогоняя звон в ушах. – Попал?..

– Все попал! – Здоровенная ладонь безопасника прошла по измочаленному дереву, считая дырки от пуль. – Все семь положил разом! Ну, Сашка... Сейчас еще с кремневого попробуем!

К вечеру я почти оглох. Беспощадный Андрей Георгиевич заставил меня опробовать чуть ли не каждый пистолет, который нашелся в усадьбе. И из всех я показал неплохой результат. И пусть громоздкие однозарядные бандуры, сделанные еще сотню или даже полторы сотни лет назад, дались мне не так легко, я довольно быстро научился навскидку укладывать круглую пулю в дерево и с двадцати, и с двадцати пяти, и даже с тридцати шагов.

Обратно мы потащились, только когда на улице уже начало темнеть. Невесть откуда взявшийся талант в обращении с оружием не то чтобы вселил в меня какую-то особенную уверенность, но хотя бы поднял настроение. А вот Андрей

Георгиевич почему-то вернулся в усадьбу мрачный, как туча. Я думал, что дело в самой обычной усталости, поэтому сам вызвался помочь безопаснику начистить и убрать пистолеты.

Однако дело, похоже, оказалось не в этом.

Сначала мы возились вместе, хотя в последние четверть часа он отложил работу и сидел за столом в кабинете, уставившись на меня единственным глазом и почти не мигая. Я старался не обращать внимания, но в конце концов это попросту начало меня нервировать.

– Андрей Георгиевич! – Я вытащил ершик из ствола любившегося мне кольта. – Почему вы...

– Да вот, – мрачно отозвался безопасник, – пытаюсь понять, кто ж ты теперь такой.

– Я?..

– Бери перо. – Андрей Георгиевич пододвинул мне чистый лист. – И пиши.

– Андрей Ге...

– Пиши, говорю: я, Горчаков Александр Петрович, князь, будучи в уме и добром здравии...

Недовольство шевельнулось внутри – и тут же улеглось. Я понятия не имел, зачем безопаснику понадобилось устраивать этот нелепый диктант, но если уж надо... Вздыхнув, я послушно кивнул, взял со стола перо, макнул его в чернильницу и принялся выводить буквы: «Я, Горчаков Александр...»

– Все, отставить. – Андрей Георгиевич буквально вырвал лист у меня из-под рук. – Достаточно.

– Да что это вообще такое? – обиженно проворчал я.

– Просто проверял. Ты перо левой рукой держишь... И пистолет, и инструмент – все левой.

– Ну... да. – Я скопился на заляпанное чернилами стальное острие. – Мне так привычнее. Всегда ведь...

– Нет, не всегда. В том-то и дело, что не всегда, Саш. – Андрей Георгиевич снова уставился на меня тяжелым взглядом. – Сколько я тебя знаю – правой держал.

Глава 8

«Чайка» затормозила, пропустила грузовик, свернула налево и неторопливо поползла к пляжу. Я откинулся назад и прикрыл глаза от пробивавшихся сквозь листву лучей. Утро выдалось солнечное. И теплое – даже для середины июля.

Но Славка все равно дрожал как осиновый лист.

– Ты их видишь? – Рыжая макушка просунулась между передними сидениями. – Видишь, Сашка? Может, не п-п-приедут?..

– Да куда они денутся, – усмехнулся я, вытягивая руку. – Вон, уже тут.

«Понтиак» Воронцова и вторая машина забрались в самый конец дороги и остановились у кромки песка. На пляж не сунулись: сядешь на брюхо – никакой движок не вытащит. Уж не знаю, зачем Славка с другим секундантом выбрали именно это место. Глушь на берегу залива в паре километров за Териоками вполне годилась для дуэли – но и Гатчина была ничем не хуже. Разве что туда не пришлось бы ехать почти три часа.

Может, Славка надеялся, что кто-то из нас передумает?

Костя сразу же вызвался быть моим секундантом, но я выбрал однокашника из лица. Чтобы никто не подумал, что я пытаюсь спрятаться за брата... или что мне больше некого попросить. Хватит и того, что я даже не смог приехать на дуэль самостоятельно: у Славки нет ни прав, ни машины, а меня дед отказался

пускать за руль. Ни при каких обстоятельствах – так он и сказал. Видимо, для того, чтобы все-таки отправить со мной Костю.

Будто мне одного Андрея Георгиевича мало.

Я обернулся и отыскал глазами серую «Волгу» – еще двадцать первой модели, с оленем на капоте. Вопреки моим желаниям, старушка ничуть не отстала на дороге и теперь становилась вплотную, прижимаясь к «Чайке» радиатором, похожим на оскаленную пасть, полную блестящих металлических зубов.

Целая свита, блин. Скажут – пришли пацану слюни вытирать... Или не слюни.

Вздыхнув, я открыл дверцу и выбрался наружу. И тут же зашагал к пляжу, чтобы Костя никаким чудом не успел меня опередить. Славка пулей вылетел с заднего сиденья и засеменял следом, пытаюсь держаться за моей спиной.

Что уж там – мне и самому оказалось непросто идти под пристальным и недобрым взглядом трех пар глаз: Воронцова, его секунданта и худого бледного мужчины лет сорока с увесистой сумкой в руках.

– Это ц-целитель, – пояснил Славка. – А то мало ли...

Мало ли. Магия Одаренных умеет многое. Даже буквально собрать тело по кусочкам после страшной аварии. Впрочем, если Воронцов вклеит мне пулю в голову или сердце – не спасет и она. При всех наших возможностях мы все-таки смертны.

Странно, эта мысль почему-то оставила меня равнодушным. То ли пережитая недавно авария притупила страх, то ли успехи в обращении с пистолетами вселили в меня какую-то особенную уверенность. По дороге сердце несколько раз предательски екнуло, тем не менее, стоило мне ступить на песок пляжа, как мандраж сменился ледяным спокойствием.

Которого Воронцову явно не хватало. Он попытался изобразить что-то вроде презрительного взгляда – вышло не слишком убедительно. Князь наверняка успел поупражняться в стрельбе, и все же эта дуэль оказалась совсем не тем, чего он ожидал: против его магии я не продержался бы и пары секунд, но

пистолет уравнил наши шансы.

– Ну ты кремень, С-с-сашка... – с восхищением прошептал Славка. – Смотри, он весь извелся. А тебе хоть б-бы что!

– Это так кажется. – Я улыбнулся и хлопнул товарища между лопаток. – Иди... работай.

И без того мелкий Славка съежился еще чуть ли не вдвое, пожимая руку секунданту Воронцова, однако дело свое, похоже, изучил как следует. Они вполголоса перекинулись буквально парой слов – и тут же развернулись к нам, почти синхронно.

– Милостивые судари. – Первым – как старший – заговорил секундант Воронцова. – Данным нам правом, в последний раз нижайше просим вас забыть обиды и вместе отыскать путь к примирению... Александр Петрович?

Спросил меня – видимо, для того, чтобы Воронцов не выглядел трусом. И чтобы последнее слово в любом случае осталось за ним... Что ж, почему нет? Я не имел особых возражений против мира.

Разумеется, на моих условиях.

– Я не имею желаний вредить князю. – Я пожал плечами. – И уж тем более не желаю, чтобы он навредил мне. Я и моя семья готовы забыть все обиды, если Дмитрий Николаевич признает, что бесчестным приемом столкнул меня с дороги, а также принесет извинения за то, что называл...

– Много чести, – бросил Воронцов сквозь зубы. – Примирение невозможно.

– Как пожелаете, князь. – Я склонил голову. – Примирение невозможно.

– В таком с-с-случае, – голос Славки дрогнул, но он тут же взял себя в руки, – позвольте напомнить, что в случае гибели любого из вас второму придется ответить по всей строгости перед ее величеством государыней императрицей и всем дворянским сословием.

– Поединок будет проходить с барьерами, – снова заговорил секундант Воронцова, – установленными на двадцати пяти...

Дальше я почти не слушал – условия были прекрасно известны и мне, и Воронцову уже неделю: начальное расстояние – сорок пять шагов, сходимся до барьеров. Стреляем – по готовности. По одному выстрелу с каждой стороны. Сносный расклад... для тех, кто не имеет особого желания убивать или калечить друг друга.

– Не жди, – негромко произнес Костя, подойдя поближе. – Стреляй в воздух. Он не будет...

За его спиной Славка деловито ходил по песку взад-вперед, размечая место для дуэли. А чуть в стороне Андрей Георгиевич заряжал пистолеты. Жребий выпал на комплект из поместья Воронцовых, но я особо не волновался. Не так уж и сильно эти смертельные игрушки отличаются друг от друга...

Украшенная золотом рукоять легла в ладонь. Непривычный баланс, ствол чуть подлиннее, чем у тех, что я видел и пробовал в деле, – из-за этого чуть «клюет» вниз. Но ничего особенного. Достаточно просто покрепче держать.

– П-по местам! – скомандовал Славка, указывая на отметку, начерченную на песке.

Я послушно стал на свое место, взвел курок и поднял пистолет на уровень головы – как это предписывалось. Воронцов расположился напротив, и даже с сорока пяти шагов я заметил, что его ощутимо потряхивает. И от этого почему-то становилось еще спокойнее. Андрей Георгиевич предложил не самый плохой план... однако я придумал лучше.

– Вперед м-м-марш! – Славка отошел в сторону. – Сходитесь.

Я пошел вперед. Неторопливо и расслабленно, чуть поигрывая стволом пистолета. Наверняка это еще больше вывело моего противника из себя. Костя говорил, что в роду Горчаковых никогда не было сильных менталистов, – но злбу и страх, струившиеся от Воронцова, почуял бы даже бездарь.

Через несколько шагов я остановился, чуть скользнул ногой, поднимая песок, вскинул пистолет... и нервы у Воронцова сдали окончательно. Он коротко выругался, подпрыгнул, разворачиваясь боком, – и выстрелил. Вообще не целясь: пуля прожужжала слева где-то в метре надо мной и унеслась вдаль.

Ну все. Попался, голубчик.

– К барьеру, – скучающим тоном произнес я.

И снова пошел вперед – еще медленнее, чем раньше. Правила дуэли позволяли сохранившему свой выстрел вызвать противника на минимально возможное расстояние. И я не собирался отказывать себе в удовольствии наблюдать, как Воронцов семенит по песку, затравленно оглядываясь по сторонам и явно прикидывая, куда удрать.

Когда я поставил ногу вплотную к отметке барьера, на него уже было жалко смотреть.

– Только попробуй! – прохныкал он. – Тебя закопают... Закопают, слышишь!

Воронцов крутился на месте, пытаюсь то встать ко мне боком, то прикрыть рукой с пистолетом грудь. Я почувствовал какое-то... нет, не движение – скорее энергию, и воздух над дальним барьером чуть подернулся маревом.

Даже сейчас засранец жульничал, пытаюсь выставить Щит.

Причем убогий и слабенький, способный в лучшем случае прикрыть верхнюю половину туловища. Магия была запрещена правилами дуэли, и Андрей Георгиевич уже шагнул вперед, чтобы сказать, – но я едва заметно мотнул головой.

Не надо. Сам справлюсь.

Если бы Воронцов не пытался хитрить, я бы, пожалуй, действительно пальнул бы в воздух. Однако он чуть не угробил меня в гонке, прилюдно унизил, угрожал и даже сейчас втихаря использовал Дар. Явно думая, что все это, как и всегда, сойдет ему с рук. И такое я прощать не собирался – что бы мне ни говорили.

– Не глупи... – одними губами прошептал Костя. – Саня, не надо.

Надо, братец, надо.

– Как некрасиво, князь. Вы даже представить не можете, как разочаровываете... всех, – вздохнул я.

И, подняв пистолет, выстрелил.

* * *

– Ну, С-с-сашка! – Славка взмахнул рукой и едва не уронил с бутерброда колбасу. – Бах – и все!

Я молча отхлебнул холодного лимонада и отсалютовал товарищу бутылкой. Андрей Георгиевич укатил вперед – поскорее доложить деду, – а мы втроем отстали в Келломяках, заскочили в магазин и сели праздновать победу на берегу залива.

Наверняка сегодня же вечером дед запрет меня в Елизаветино до конца лета – зато этот день мы честно заслужили. Все трое. И я, и Славка, которого до сих пор потряхивало от пережитого волнения.

И хмурый сосредоточенный Костя.

– Зря ты все-таки, Саня, – негромко проговорил он. – Так бы пожали руки и разошлись. А теперь вони будет...

Для Славки все случившееся было какой-то фантазмагорией. Небывалой удачей, проявлением высшей справедливости. Божественной волей, направившей мою руку. А вот Костя... Костя сам видел, как я тренировался с пистолетами в лесу за усадьбой. И в его глазах все выглядело... несколько иначе.

– Пусть воняет. – Я пожал плечами. – В следующий раз будет умнее.

Когда Воронцов верещал и катался по песку с простреленным коленом, я не испытывал никаких угрызений совести – только удовлетворение от хорошо проделанной работы.

– Не знаю, – вздохнул Костя. – Мне бы, наверное, духу не хватило... живого человека так. А ты как в дерево стрелял: даже не дернулся.

– Да ладно тебе. – Я передал брату лимонад. – Через неделю опять будет скакать козлом и портить нормальным людям жизнь.

– Ага... – Костя вдруг вытянул шею, заглядывая куда-то мне за спину. – А это у нас кто?

Небольшая красная машина остановилась неподалеку от Костиной «Чайки», и из нее выбрались две девушки. Одна – невысокая и чуть полноватая, в темном платье в горошек и соломенной шляпке. И вторая...

– С-судари... – Голос Славки звучал так, будто у него вдруг пересохло в горле. – Кто это?

– Наталья Гижицкая. – Костя едва слышно откашлялся. – Дочь графа Гижицкого. Вставайте, здороваемся... наверное.

Странно. На этот раз идти по песку почему-то оказалось сложнее, чем к барьеру перед выстрелом. Солнце чуть слепило глаза; впрочем, и того, что я видел, оказалось достаточно.

Вьющиеся светлые волосы. Синее платье по фигуре, почти не оставляющее простора воображению. Короткое – в рамках приличия, но все равно заставляющее стройные загорелые ноги казаться бесконечными даже без босоножек на каблуке, которые графиня уже успела скинуть. Почти половину ее лица скрывали огромные затемненные очки, но один только взгляд на сочные полуоткрытые губы...

Черт, да тут даже внешность уже как-то побоку! Хотя и она более чем... От Гижицкой буквально веяло какой-то запредельной притягательностью. Ее подружка, увидев нас, ойкнула и нырнула обратно в автомобиль, а графиня

лишь встала вполоборота, опершись на открытую дверцу и чуть отведя вбок умопомрачительной формы бедро.

Будто специально показывала себя во всей красе, чертовка.

- Наталья Станиславовна, - проговорил Костя. - Графиня, мое почтение...

- Князь? - Гижицкая улыбнулась и сняла очки. - Рада видеть вас здесь. Приехали искупаться?

- Не совсем... Дела.

- Вот как? - Гижицкая перевела взгляд на меня. - А кто эти... милые юноши?

Эй, мне вообще-то почти семнадцать!

Стрелять глазами графиня умела уж точно получше, чем Воронцов из пистолета. За моей спиной Славка звучно сглотнул и выдохнул так, будто ему в живот воткнули что-то острое. Вроде кавалерийской сабли, висевшей над столом у Андрея Георгиевича.

- Александр Горчаков. - Я заставил себя шагнуть вперед. - Брат Константина... младший.

Гижицкая молча протянула руку для поцелуя, и стоило мне коснуться губами мягкой загорелой кожи, как по всему телу прошла горячая волна. Я стиснул тонкие пальцы и на мгновение ощутил желание накинуться на эту женщину - такое сильное, что сводило челюсти. И меня, пожалуй, не остановило бы присутствие ни Кости со Славкой, ни той, второй девицы...

Но остановил взгляд самой Гижицкой. Не испуганный, даже не возмущенный - скорее манящий, хищный... и довольный. Будто она без малейшего напряжения прочитала все мысли, которые пронеслись у меня в голове.

Или даже не прочитала, а сама... устроила мне это наваждение.

Почему-то это меня отрезвило: словно выплеснуло за шиворот ведро ледяной воды. Я отпустил руку Гижицкой, выпрямился – а потом с усилием выпихнул графиню из своего сознания и закрыл двери. На все ключи, которые нашлись.

– У вас сильная хватка, князь. – Гижицкая улыбнулась и подула на кончики пальцев. – Признаюсь, не ожидала...

– Прошу меня простить, – процедил я.

– Ничего страшного. В каком-то смысле даже приятно думать, что я способна вызвать у такого человека, как вы... Скажите, князь, вы любите музыку?

– Музыку?

– Современную. В конце месяца у меня в клубе выступает британский ансамбль... довольно известный. Вы позволите пригласить? – Гижицкая скользнула взглядом мне за спину. – И ваших друзей, разумеется, тоже.

– Почту за честь, графиня.

Я склонил голову, но от прочих проявлений учтивости воздержался. Гижицкая снова стрельнула глазами – на этот раз с явным интересом. Уж не знаю, насколько часто она пользовалась своим женским арсеналом, но явно не привыкла, чтобы кто-то мог перед ним устоять. Особенно если этот кто-то – мальчишка с едва пробивающейся на щеках порослью.

– Не желаете искупаться, судари? Погода на удивление хороша, а самой мне будет тяжело избавиться от этого платья. Кажется, что-то с молнией... – Гижицкая повернулась ко мне спиной и откинула волосы в сторону, обнажая шею. – Саша, не посмотрите?

– У Александра нет времени. – Костя схватил меня за плечо и решительно потянул назад. – Графиня... позвольте откланяться!

– Князь... Вы заняты?

Гижицкая едва слышно скользнула в кабинет и прикрыла за собой дверь. Внутри было темно – я оставил включенной только лампу на дедовом столе, – но в полумраке идеальные бедра смотрелись еще соблазнительнее. Загорелое тело прикрывала только рубашка – огромная, явно мужская, да еще и надетая кое-как. Гижицкая потрудились застегнуть лишь несколько пуговиц где-то на уровне пупка, и безразмерный ворот уже сполз чуть ли не до середины плеча и грозился свалиться вообще. Снизу белоснежная ткань прикрывала все, но я почему-то знал, что под рубашкой нет ничего.

Совсем.

– Графиня. – Я отложил еще дымящуюся трубку. – Чем обязан?..

– Без особых причин. – Гижицкая, покачивая бедрами, двинулась вперед. – Просто захотела увидеть вас, князь.

– Посреди ночи? – пробормотал я, скосившись на часы на стене. – Брат говорил, что от вас можно ожидать чего угодно, но такое...

– И что же еще вы слышали? Что я вертихвостка? – Гижицкая без всякого стеснения уселась боком ко мне прямо на дедовский стол. – Что у меня не лучшая репутация в высшем свете? Что из-за меня случаются дуэли? Или что приличному дворянину в моем клубе лучше не появляться?

– В том числе.

Я изо всех сил старался не смотреть туда, где рубашка бесстыдно задиралась. Но получалось так себе.

– Да? – Гижицкая развернулась и провела ладонью по столу, смахивая на пол какие-то смертельно важные бумаги. – И это важно?

Твою ж... Да пошло оно все к черту!

- Нет. - Я подался вперед. - Для меня - нет.

Гижицкая улеглась грудью на стол и опрокинула чернильницу. Рубашка тут же намокла, прилипла к дереву и не скрывала уже вообще ничего. Чуть ниже ключиц кожа была еще загорелой - но там, где ее не касалось солнце, становилась молочно-белой.

Ох, ничего себе отрастила... В девятнадцать-то с небольшим лет!

- Я такая неловкая... - Гижицкая схватила меня за галстук и потянула к себе. - Простите, князь.

Я вдохнул запах ее волос - но вместо мягких губ мне в лицо ударил ветер и холодные брызги.

Приятное наваждение исчезло вместе с дедовским кабинетом. Осталось только открытое настежь окно, гроза снаружи и ощущение облома вселенских масштабов. Я с рычанием откинул пропотевшее чуть ли не насквозь одеяло, уселся в кровати... и услышал за дверью тяжелые шаги.

- Да вашу ж матушку... - простонал я, натягивая штаны. - За что?..

Дверь в комнату распахнулось и с грохотом ударилась в стену. В коридоре мелькнула вспышка, похожая на алый цветок. Я плюхнулся на пол, откатился в сторону - и тут же вскочил на ноги. Струя пламени метнулась за мной, но слишком поздно: я уже махнул через подоконник - прямо навстречу грозе. Огонь с треском впился в болтающиеся створки, расколол стекла, вырвался следом, лизнул в голую спину - и все-таки не успел. Я отделался клочком сгоревших волос на затылке.

Полет со второго этажа дался куда сложнее. Я сгруппировался, но собрать дух на мягкую посадку смог только у самой земли. Воздух загустел, подхватывая тело и будто надуваясь огромным шариком, сжался - и, не выдержав, лопнул. Скошенная трава впилась в ладони, но времени жалеть себя не осталось. Я кувырнулся вперед, вскочил на ноги - и в место, где я только что был, ударила Булава. Земля вздрогнула, и мне в спину полетели влажные ошметки.

Я изо всех сил помчался к лесу. Ночной гость наугад подпалил пару деревьев, швырнул мне вослед еще одного Горыныча – и сам спрыгнул из окна: сверкнула молния, и я увидел, как по стене к земле скользнула громадная черная тень.

Значит, побегом из усадьбы дело не ограничится.

Вздохнув, я чуть замедлился, готовясь к долгой гонке по лесу. Дождь хлестал как из ведра, поросль и сухие ветки то и дело кололи босые ноги, но куда больше меня волновал Горыныч, злобно гудящий где-то сзади в паре десятков шагов. Огненный змей гнался за мной, на ходу грызя молодые деревья и срывая кору со старых. Не самое опасное заклятье – но могучее, хоть и медлительное.

А еще – умеющее преследовать цель даже без указки хозяина.

Однако с этим я хотя бы уже умел бороться. Достаточно чуть сбить установку или сместиться в сторону – и Горыныч потеряет след: разворачиваться змеюка все-таки не умеет. Я немного вырвался вперед, выбрался на открытое место, чудом удрал от двух выпущенных по очереди Булав – а потом резко свернул в сторону, закручивая траекторию обратно к усадьбе. Огонь за спиной взревел, дернулся – но не поспел за мной и с недовольным ворчанием укатился куда-то вдаль.

Правда, легче от этого не стало – скорее наоборот. Удрав от Горыныча, я снова подставился: в свете колдовского пламени преследователь видел меня как на ладони. Еще одна Булава с треском выбила щепки из старой березы в паре шагов, а потом сквозь гром и шум дождя я услышал что-то среднее между жужжанием и свистом.

– Твою мать! – Я плюхнулся животом в лесную грязь. – Совсем с ума сошел?!

Пару деревцев в мою руку толщиной как бритвой срезало. Даже слабенькая Булава запросто сломала бы несколько ребер, но брошенный с полусотни шагов Серп вполне способен разрубить человека надвое. В ход пошла тяжелая артиллерия – и от нее могла спасти или скорость, или надежная защита... А лучше – то и другое одновременно.

Ход и Кольчуга. Базовые заклятья, которые без труда давались мне на тренировках... но не сейчас. Энергии было достаточно – и внутри, и даже

снаружи. Она лилась с неба дождем, бурлила вокруг – и все равно упрямо не желала сплетаться в нужный рисунок. А обычные, человеческие силы уже заканчивались: соперничать с магически ускоренным противником я не мог.

На чистом упрямстве пробежав еще где-то с полкилометра, я уперся в речку. В воду лезть не стал – там меня просто приморозили бы в два счета. Пришлось сворачивать и шлепать по грязи вдоль берега, но беспощадный преследователь догнал меня и там. Булава, Булава, Горыныч – и еще Серп на десерт. Я успел укрыться за деревом, и заклятье с хищным звоном шарахнуло в толстый ствол. Вгрызлось до половины, не меньше, и уже на излете клюнуло в локоть. Неглубоко – но по руке тут же заструилось что-то горячее.

И это почему-то прогнало страх окончательно. Убегать было некуда – кусты трещали в десятке шагов, – но подраться я еще мог. Сложив пальцы в кулак, я крутанулся из-за дерева и швырнул Булаву. Громадная тень подняла руку, и мое заклятье с лязгом ударило в Щит. Второе ушло в сторону. Я выдал еще две Булавы и из последних сил добавил Серпы – с обеих рук одновременно. Они с искрами чиркнули по цели и унеслись вдаль, выкашивая молодую поросль. Но никакого ощутимого вреда не нанесли.

Ну все. Приехали.

Щит у меня все-таки получился – слабенький, хрупкий и кривой, впрочем, на один удар его кое-как хватило. Потом что-то подцепило меня за ноги, опрокинуло – и припечатало сверху, вбивая в размокшую грязь.

– Все, – простонал я, – хватит! Да чтоб тебя...

– Плохо, Саша. Огорчаешь старика.

Андрей Георгиевич навис надо мной грозной тучей. На его лице красовалась царапина – явно не от моего косоного Серпа, скорее уж от ветки, – а одежда и бритая голова были мокрыми, тем не менее он даже не запыхался. Ход позволял уже немолодому и грузному безопаснику двигаться втрое быстрее меня, почти не уставая.

– Нормально! – огрызнулся я, ощупывая ребра. – Больно, блин...

– До свадьбы заживет. Вставай.

Будто у меня был выбор. Я кое-как выковырял избитую тушку из грязи и поднялся на ноги. В последние дни такие ночные «учения» повторялись нередко – но раньше я хотя бы не подозревал, что меня хотят угробить всерьез.

– Сатрап, – проворчал я. – Мучитель.

– Поговори мне тут. – Андрей Георгиевич погрозил огромным – чуть ли не с мою голову – кулачищем. – Почему не удрал? Опять Ход не получается?

– Опять. – Я вздохнул и осторожно потянулся. – Кажется, ребро сломал.

– Ничего, потерпишь. Пойдем к дому.

Я поплелся следом за Андреем Георгиевичем, мысленно костеря деда на все лады. Это он придумал отдать меня на растерзание безопаснику, убив сразу двух зайцев: я не только понемногу осваивал родовой Дар, но и расплачивался за свои многочисленные прегрешения. И вот уже почти две недели моя жизнь напоминала учебку кадетского корпуса: тренировки, тренировки, книги, недолгий крепкий сон – и снова тренировки. Кое-что получалось неплохо, тело привыкало к нагрузкам, я становился сильнее, и в каком-то смысле муштра мне даже нравилась...

Но уж точно не в те дни, когда заканчивалась членовредительством.

– Серп! – Я с трудом удержался от соблазна залепить Андрею Георгиевичу в затылок чем-то вроде Булавы. – Так ведь убить можно.

– Это если попасть. И Кольчугу не пробьет, я слабенький кидал.

– Да не было у меня Кольчуги, – признался я. – Не сплетается, зараза.

– А-а-а... Ну, так и не попал же. – Андрей Георгиевич пожал плечами. – В следующий раз сплетется.

Ага. Вот так возьмет и сплетется. Само, в подходящий момент. От злости я чуть сильнее ударил босой ногой в землю – и боль тут же напомнила о себе, прокатившись от бедра вверх и застряв где-то в груди справа. Сломал? Или на этот раз повезло и обойдусь синяком размером с голову?

– А если нет? Что деду скажете?

– Что будет у него теперь два целых внука и две половинки. – Андрей Георгиевич чуть замедлил шаг. – А если серьезно, хотел бы попасть Серпом – попал бы.

– Да знаю... – Я вспомнил, как он на днях срезал одинокий сухостой чуть ли не с половины километра. – Кадетов с юнкерами так же гоняют?

– Так же, да не так же. Когда я в Александровском учился – вот тогда гоняли... А теперь смехота одна.

– И Мишу в Павловском, значит, тоже берегут, – усмехнулся я. – А вы меня Серпом...

– Нету у меня времени тебя жалеть, Сашка. – Андрей Георгиевич вдруг развернулся и схватил меня за плечи. – Понимаешь, дурья твоя башка? Не-ту!

– Да почему?!

– Потому, что у нормальных... у обычных людей Дар растет по чайной ложке, с детства. Если дворянин выбирает военную службу – после кадетского корпуса идет в училище. И там он из унтера становится подпоручиком. За три или четыре года. – Андрей Георгиевич тяжело вздохнул. – Вполне достаточно, чтобы вылепить из пацана офицера... А ты три недели назад был бездарем, а теперь выдаешь Булаву на уровне пехотного штабс-капитана!

– Прямо так? – смутился я.

– Прямо так. Только ты не вздумай возгордиться. Это не радость, а полный... – Андрей Георгиевич на мгновение смолк, подбирая подходящее слово. – Плохо это, в общем. Опасно! Поэтому и дисциплина нужна железная, и контроль. Думаешь, мне нравится с тобой ночью по дождю скакать?

– Думаю, не очень.

– То-то и оно, что не очень. Загонял старого по лесу, так еще и пришибешь ненароком. – Андрей Георгиевич мрачно улыбнулся и снова зашагал в сторону усадьбы. – Ты мне лучше скажи, чего у тебя с Кольчугой не вышло.

– Да ничего не вышло, – буркнул я. – Сил хватает, плетение помню, начинаю – а узор разваливается. С Ходом то же самое: на тренировке запросто, а чуть что – сразу дергаюсь... А вроде просто все! Так, потом сюда и...

Я провел пальцем в воздухе, вспоминая простенький энергетический рисунок... и вдруг почувствовал что-то похожее на легкое прикосновение. К плечам, к животу, к груди – везде: Кольчуга мгновенно оплела все тело. Без малейшего усилия.

Контур замкнулся и сработал.

– Тьфу ты, Сашка! – рассмеялся Андрей Георгиевич. – Сразу бы так. Практика нужна... В боевых условиях, так сказать.

– Куда уж боевее.

– Не пойму я, что с тобой. Обычно более-менее ровно все идет. А у тебя плетения на тройку с минусом – зато Булавой так въе... ударишь! – Андрей Георгиевич потрянул головой. – Что потом два дня локоть болит. И это через Щит!

– Да сложные эти плетения. – Я почесал затылок. – С атакующими проще. Хотя мне вообще не очень понятно, зачем нужны эти Серпы и Молоты, если я из кольца не хуже шарахну.

– Ну... начнем с того, что боевые заклятья придумали где-то за тыщу лет до первых пушек. А может, и за две тыщи – тут тебе точно никто не скажет. Не все, есть и посвежее, но из основных – большинство. – Андрей Георгиевич распахнул передо мной заднюю дверь усадьбы. – Во-вторых, оружие носят немногие, зато Булавой тебя огреет даже восьмилетняя девчонка... Слабенько – но огреет.

– Ага. – Я вспомнил, как отделал Воронцова в больнице, чудом не попав под заклятье. – Дар всегда со мной.

– Да. И в-третьих, – Андрей Георгиевич грузно затопал по лестнице, – для Одаренного выше пятого класса и Булава, и Серп, и все эти железные пукалки – фигня. Даже не комариные укусы. А первый класс может такое сотворить, что даже не придумаешь!

– Вот блин... – Я остановился перед раскрытой дверью своей комнаты. – А вы видели?

– Видел. – Андрей Георгиевич потер изуродованную когда-то правую щеку. – Больше видеть не хочу. И ты, дай Бог, не увидишь... Заходи, ложись, Сашка. Будем твои боевые раны смотреть.

Чувствовал я себя действительно так себе, и на ребрах справа уже наверняка налился синяк, но напрягать Андрея Георгиевича почему-то не хотелось. Из матерого дедова безопасника, могучего великана с косой саженью в плечах он вдруг на мгновение превратился в себя настоящего. Усталого и немолодого дядьку, которому не так уж легко было носиться по ночному лесу за шестнадцатилетним пацаном. Даже под Ходом.

– Да ничего. – Я махнул рукой. – Само заживет. Заодно в плетениях потренируюсь.

– Молодец. – Андрей Георгиевич взглянул на часы. – Пять утра уж скоро. Досыпать будешь?

– Вряд ли, – отозвался я. – Сполоснуться бы надо. И хочу с одной штукой разобраться.

– Как знаешь. Но чтобы к завтраку – как штык был.

Беготня под дождем и Булава под ребра бодрили не хуже ведерка кофе, выпитого залпом. Отмокая под душем, я осторожно ощупал правый бок. Повезло – кости целы, а синяк пройдет сам собой... впрочем, можно и ускорить процесс. Сильных целителей в роду Горчаковых не было уже три поколения, хотя кое-как подлечить себя может почти любой Одаренный.

Плетение вышло с третьей или четвертой попытки. Слабенькое – но боль почти сразу отступила, а синяк чуть ли не на глазах начал съеживаться, явно собираясь полностью исчезнуть еще до завтрака. Я дошлепал до комнаты и улегся, однако сна не было уже ни в одном глазу. И не только из-за утренних процедур, но и оттого, что ТАМ меня могла поджидать сладострастная графиня. Гонка по лесу напрочь... ладно, не совсем напрочь прогнала порочные мысли – зато остались кое-какие другие.

Гижицкая снилась мне уже третий раз. И это вполне могла быть здоровая реакция организма на красивую девушку... а могло быть и что-то совсем другое. Не обязательно опасное, но уж точно и не вполне невинное. Костя не зря предупреждал, что с этой чертовкой лучше держать ухо востро.

Единственная наследница не самого старого, зато богатого и весьма близкого ко двору графского рода. Скандалистка. Владелица пары клубов – с сомнительной репутацией, однако при этом неизменно под завязку набитых столичной золотой молодежью. Звезда светских хроник, о которой ходили самые разные слухи... но только лишь слухи: Гижицкая в любой ситуации соскальзывала и с серьезных неприятностей, и с кончика пера борзописцев. В общем, из тех, кого французы называют *femme fatale* – роковая женщина.

А еще – менталист. Может, не самый сильный в Петербурге, но в десятке – уж точно, несмотря на юный возраст.

Тогда, на пляже, я сумел выкинуть ее из головы. Бесцеремонно и быстро – и все же не настолько, чтобы она не успела пройтись по сознанию неприкрытым эротизмом... а то и оставить кое-что на память. Прямо как Золушка туфельку. Против горячих ночных фантазий я ничего не имел: они были уж точно поприятнее той дичи, которая иногда снилась под утро. Какие-то разрушенные дома, песок, ветер... Но если Гижицкая засунула себя мне под черепушку насильно – пусть идет к черту.

Никто не полезет в мои мозги. Даже красотка с самыми аппетитными полушариями в Питере.

И все же смущало не сколько чужое вмешательство, сколько то, что Гижицкая могла там увидеть... чисто гипотетически: времени полноценно порыться у меня в голове у нее все-таки не было. Хотя я почему-то не сомневался: сны – не с ее участием, а те, настоящие, – часть чего-то большего. Важного, другого, забытого, будто стертого из меня кем-то почти всеильным... но стертого не до конца.

Я потянулся и посмотрел на свою собственную руку. Левую – ту самую, которой я вдруг начал стрелять, писать и держать ложку, прожив на этом свете правой шестнадцать с половиной лет. Загорелую, огрубевшую и окрепшую от муштры Андрея Георгиевича – и все-таки пока слишком слабую, чтобы в полную силу делать то... То, что я никогда не умел делать раньше – и не мог уметь. К примеру, валить с ног парня чуть ли не вдвое тяжелее или укладывать пулю в цель с тридцати шагов почти из любого пистолета... И почти не тренируясь.

Так не бывает. В неполные семнадцать лет может внезапно проснуться и вспыхнуть свечкой родовой Дар – но уж точно не умения, будто принадлежащие кому-то другому. Талант стрелять или бить людям морды достается от природы – а вот дальше его еще надо возвращать, придавать форму...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/pylaev_valeriy/gorchakov-liceist

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)